

Создайте соціотехникум!
Творите Анархію!

Братья Гордины.

Союз Пяти Узнетенных —
Союз Рабочаго-Босняка, Жен-
щины, Узнетенной націо-
нальности, Молодежи и Лич-
ности.

МАНИФЕСТ ПАНАНАРХИСТОВ.

МОСКВА

1918 г.

905
W 64
32
Зворите Анархію!

W 64
32
Братья Гордины.

Союз Пяти Узкетенных—
Союз Рабочаго-Босяка, Жек-
щны, Узкетенной націо-
нальности, Молодежи и Лич-
ности.

МАНИФЕСТ АНАРХИСТОВ.

Изданіе Малаго Секретаріата
Сѣвернаго Областнаго Союза
Анархистов.

Основные начала пананархизма.

Пананархизм буквально означает всеанархизм, „пан“ по-гречески „все“.

Пананархизм это расширенный и членораздѣльный анархизм, который, помимо идеала безвластія, собственно анархизма, включает в себѣ еще четыре идеала, а именно: коммунизм с его „все—всѣм!“ педизм или освобожденіе ребенка и молодежи из тисков рабскаго воспитанія, космизм (націоналкосмополитизм), полное освобожденіе угнетенных національностей и, наконец, геніантропизм, т. е. освобожденіе и очеловѣченіе женщины. Всѣ эти пять идеалов, вмѣстѣ взятых, обозначаются общим названіем: „пананархизм“.

Пананархизм означает синтез (соединеніе) всѣх главных социальных идеалов, актов (дѣйствій) и устремленій к коренному перевороту и перестрою всего общества: и хозяйства, и семьи, и школы, интернаціональных и международных отношеній, и института управленія. В области хозяйства пананархизм означает замѣну капиталистическаго строя коммунистическим, отмѣну частной собственности на землю, орудія производства и предметы потребленія. В семьѣ—замѣну многоженства купли-продажи истинным единоженством и единомужіем любви, равно как и замѣну современнаго господства мужа в семьѣ (андріархата) и господства мужчины в жизни (андрократіи), юридическаго и фактическаго главенствованія мужчины,—одинаковым равным с женщиной добровольным участіем женщины во всѣх отраслях труда и творчества, как и одинаковым пользованіем всѣми благами общества. В школѣ—замѣну современнаго книжнаго воспитанія с его внушеніем религіозных и научных предразсудков дѣтям и молодежи практическим приспособленіем их к жизни, обучая их чисто-практически необходимым для жизни техническим искусствам и предоставляя им полнѣйшую свободу самоопредѣляться, право на самобытное творчество, на самостоятельность мысли и оригинальность міровоззрѣнія. В институтѣ управленія, по отношенію к національности: замѣну современнаго территоріальнаго строя с его государственными границами, отечествами, с его правом національно-частной собственности на территорію, націонал-космополитическим порядком, при котором нѣтъ ни отечеств, ни границ, а есть лишь всемірные свободные союзы одинаково свободных націй, которым всѣм им вмѣстѣ, коммунально, принадлежит весь земной шар. „Весь земной шар всему человечеству“—таков девиз пананархизма в противовѣс территоріализму-империализму, который говорит: весь земной шар мнѣ, хищнической націи.

М О С К В А.

Типографія Издательства „СЛОВО ИСТИНЫ“ Моховая, д. 28.
1918..

являются лишь двумя разновидностями одного обмана, обмана угнетенных угнетателями.

Пананархизм гласит, что религія и наука были придуманы, как средство отвлеченія вниманія угнетенных от дѣйствительнаго, чувственнаго міра, давая или общая им взаменъ него надчувственный мір: сверхъестественный (религія) или отвлеченный (наука).

Пананархизм разсматривает науку, как реформированную религію, и природу, как реформированнаго бога: наука есть религія буржуазіи, как религія была наукой помѣщичества и рабовладѣльцев.

Пананархизм провозглашает *вселенское безначаліе*, космическую анархію, анархію во всем!

Всѣ понятія религіи и науки не только буржуазно-угнетательски, не только таят в себѣ сѣти и тенета, удочки и подвохи для угнетенных—они и лживы, варварски-глупы, ограничены, наивны и комичны, противорѣчивы и эклектичны.

Наука есть одно недомысліе европейскаго дикаря, как религія недомысліе азіатскаго дикаря. Обѣ—один клубок противорѣчій и путаницъ: бог и не-бог, причина и не-причина; бог реальный строитель и бог строящій из „ничего“, значит уж сам „ничто“, абсолют, не-бог; причина доводится до первопричины, значит уж самопричина, не-причина.

Бог и Природа человѣкообразны (антропоморфичны). Эскимос создает их по охотѣ своей на бѣлаго медвѣдя (мір произошел из бѣлаго медвѣдя), іудеи—по своим ремеслам (бог столяр, плотник); Ньютон—Кант—Лаплас создают Природу по европейской механикѣ, Дарвин и Спенсер—по англійским коннозаводам (естественный и половой подбор по образію и подобію искусственнаго подбора англійскаго коннозаводства).

Царство небесное и царство природы, ангелы, духи, черти, молекулы, атомы, эфир, Законы-Бога-Неба и Законы Природы, силы, воздѣйствіе одного тѣла на другое—все это вымышлено, создано обществобразно (соціоморфично).

Бог это образ абсолютнаго монарха Азіи; законы небесные, законы звѣзд, астрологія Ассиріи и Вавилоніи, это законы царскіе; законы природы это законы государственные, воздѣйствіе это прѣнужденіе. Природа и силы это образ и подобіе европейских конституціонных монархов и конституціонной бюрократіи; иногда Природа являет и подобіе президента демократической республики.

Пананархизм-же учит, что вселенная не человѣкъ и не общество, а потому не имѣет ни начала, ни конца, ни происхожденія (космогоніи), ни причин, ни законов, ни кривых-воздѣйствій.

Вселенная, каждое явленіе, всегда „в себѣ“, анархически-индивидуально или анархически-коммунально, выражаясь образно; вселенная самопричинна, всякое явленіе всегда самопричинно.

В институтъ организаціи управленія, по отношенію к личности, пананархизм означает уничтоженіе власти, государства, всякаго принудительнаго права, судов, тюрем, милицій и проч. и проч., и управленіе обществом путем добровольнаго соглашенія или совѣщательно.

Пананархизм это идеал союза пяти угнетенных. Он зовет к единенію и сплоченію всѣх угнетенных, к сооруженію всемірнаго об'единенія всѣх угнетенных, интернаціонала угнетенных, или *всемірнаго союза* пяти угнетенных, для легчайшаго разрушенія существующаго строя, который зиждется на пяти видах угнетенія.

Пананархизм всячески поощряет и берет на себя инициативу об'единенія угнетенных, каждаго из пяти угнетенных коллективов современнаго общества: как то интернаціонала работников-босяков, интернаціонала молодежи, интернаціонала угнетенных національностей, (итерриторіаліата), интернаціонала женщин и интернаціонала развитых личностей, направляя эти пять интернаціоналов в сторону образованія одного общаго интернаціонала угнетенных, пананархическаго интернаціонала, всемірнаго союза пяти угнетенных, кладущаго в основу свою солидарность всѣх угнетенных и строящагося по принципу *равноцѣнности* всѣх угнетенных.

Пананархизм означает все-разрушеніе, разрушеніе всѣх пяти строев современнаго общества.

Пананархизм, таким образом, имѣет цѣлью не освобожденіе одного угнетеннаго путем угнетенія других угнетенных, как, напримѣр, провозглашеніе диктатуры пролетаріата, а освобожденіе всѣх угнетенных, освобожденіе всего человѣчества, освобожденіе всѣх угнетенных коллективов.

Пананархизм освобождает человѣчество и от рабства капитала, и от рабства власти, и от рабства образовательнаго воспитанія, и от рабства домашняго хозяйства, и от рабства отечествъ.

Пананархизм уничтожает всѣ пять видов угнетенія современнаго общества; и 1) экономического, и 2), 3) политическаго [а) индивидуально-политическаго и в) національно-политическаго], и 4) школьнаго, и 5) семейнаго.

Проще, пананархизм требует, чтоб не было ни бѣдных, ни богатых; чтоб не было ни повелителей, ни подчиненных; чтоб не было ни господствующих націй, ни угнетенных; чтоб не было ни порабащающих учителей, ни порабощенных учеников, и чтоб не было мужчин-господ и женщин-рабынь.

Всѣ эти желанія-требованія одинаково важны для пананархизма, ибо всякое возвеличеніе одного угнетеннаго над другими, даже в смыслѣ руководства и главенствованія, он клеймит как эксплуатацію других угнетенных, человѣчества, в пользу класса, группы.

Но пананархизм означает не только освобожденіе от *пяти видов угнетенія*, но к тому еще и освобожденіе угнетенных человѣчества от двух обманов: обмана религіи и обмана науки, которыя в сущности

Соціотехнічeskій взгляд и требует огражденія соціотехников, т. е. соціальных строителей и изобрѣтателей, как от преслѣдованія со стороны власть имущих, так и со стороны общественнаго мнѣнія.

Соціотехнічeskая точка зрѣнія утверждает, что, в сущности и по болѣе глубокому и вполнѣ цивилизованному общество-пониманію, клеймящему старое обществопониманіе, с его культом соціальной природы, варварством, всякія соціальныя изобрѣтенія должны поощряться, аналогично всякому другому техническому прогрессу, и оцѣниваться именно как раз по мѣрѣ их *переворотности*, т. е. по их революціонному, перестроительному эффекту: чѣм сильнѣе эффект, тѣм выше цѣнность даннаго изобрѣтенія или плана. Страх перед радикализмом есть, с точки зрѣнія соціотехники, лишь пережиток соціального фетишизма. Равным образом всѣ эти ученія о соціальной эволюціи, об естественных исторических процессах, нарушеніе которых якобы недопустимо, должны рассматриваться как міровоззрѣніе угнетателей, болѣе того, как духовное орудіе угнетанія, точнѣе, орудіе закрѣпленія и оправданія угнетенія. Это идеологія, созданная угнетателями в цѣлях упроченія своего господства и запугиванія дерзновенных Угнетенных. И нужно отдать справедливость зловымышляющему генію угнетателей: ловко размалеванное чучело соціальной природы держит в страхѣ не одних только глухих воробьев, а—увы!—и многих неустрашимых борцов.

С душевной болью приходится констатировать, что эта ложная наука, это дьявольское орудіе угнетенія, возымѣло большой успѣх, болѣе отодвинуло и отодвигает Угнетенных от достиженія своих идеалов, чѣм всѣ тѣ провокаціи, все то сѣянiе розни между Угнетенными или затѣваніе братоубійственныхъ войн, при которыхъ одни Угнетенные убиваютъ другихъ Угнетенныхъ, чѣм всѣ тѣ бездонныя злодѣйства, с помощью которыхъ угнетатели утверждаютъ свое царство угнетенія, свое царство дьявола на землѣ.

Со скорбью приходится констатировать, что один из Угнетенныхъ, бывшій пока наиболѣе активнымъ и наиболѣе сознательнымъ среди нихъ, а именно рабочій классъ, почти всецѣло подпалъ подъ влияніе этой угнетательской идеологіи „естественныхъ процессовъ“ и, такимъ образомъ, сталъ глупой игрушкой в рукахъ угнетателей—одуроченный и обезвреженный.

Что не удалось добиться висѣлицами, каторгой, тюрьмами и т. д., легко, невыразимо легко достигается этимъ безбожнымъ обманомъ, достигается *наукой угнетателей*, ловкимъ шарлатанствомъ продажныхъ, или безсознательно слѣпо играющихъ на руку угнетателей, наивныхъ ученыхъ, словомъ, пресловутымъ лжеученіемъ объ естественномъ процессѣ.

Но пусть узнаютъ друзья рабочаго класса, пусть пройдетъ ослѣпленіе угнетательской идеологіей, пусть узрятъ весь ужасъ обмана: лжеученіемъ объ естественномъ процессѣ, тѣмъ болѣе, преступнымъ ученіемъ о ненарушимости и неприкосновенности естественнаго процесса, идеалъ

Во вселенной, и в каждом явленіи, нѣтъ никакого внѣшняго, навязываемаго принудительнаго порядка, а *анархія*, т. е. внутренній (имманентный) порядок, самостный и самопричинный. Нѣтъ никакого воздѣйствія, а есть дѣйствіе, или свойство, а свойство и вещь и дѣйствіе тождественны.

Пананархизм, находя корень ошибки религіи и науки в том, что первая является плодом *фантазіи*, а вторая плодом *интеллекта* (умственнаго воображенія, т. е. отвлеченія), считает и объявляет истинными лишь чувства, вѣрнѣе, мускулы, и технику.

Культурой народа, культурой Трудящихся, культурой Угнетенных пананархизм считает лишь технику, в широком смыслѣ этого слова, включая сюда всѣ ремесла, всѣ полезныя искусства и проч., и нарекая ее Пантехникой (всетехникой).

По отношенію же к обществупониманію, Пананархизм отрицает всѣ законы социологіи, социальную природу и социальную эволюцію (развитіе), ставя вмѣсто них *соціотехнику*, общестроительство, с ея провозглашеніем права на социальное изобрѣтеніе, социальный эксперимент и социальную попытку.

Пананархизм, покрывающійся техникализмом, означает, таким образом, не только все-анархія (безначаліе) и вездѣ-анархія, но и сейчас-анархія; вмѣсто социалдемократической эволюціи и реформы получается лозунг Соціальной революціи, подтверждается золотое анархическое правило: Прямо к цѣли!

Итак—

Да здравствует Пананархія!

С о ц і о т е х н и к а .

Социально-философская предпосылка Союза Пяти Угнетенных это принцип соціотехники.

Соціотехника знаменует собою низверженіе кумира и упраздненіе культа социальной природы, социального фетишизма.

Соціотехника означает безконечную и неисчерпаемую свободу социального творчества, безграничную и неисчерпаемую возможность всякаго рода переворотов, безграничную и неисчерпаемую возможность преобразованія и пересозданія общества, безконечное и неисчерпаемое разнообразіе форм социального строительства.

Соціотехника провозглашает необходимость *соціотехническаго* отношенія к социальным вопросам, иными словами, необходимость допущенія такого же свободно строительнаго и перестроительнаго, такого же свободно-изобрѣтательнаго отношенія к социальной природѣ, какого человечество, благодаря цивилизації, добилось по отношенію к физической средѣ, считавшагося, впрочем, запретнымъ, бого-природоухулительным в сѣдую старину.

не губите его вашими идолопоклонствомъ, вашими божками и кумирами: Духи, Бог, Природа, Законообразность, Эволюція, Историческій процесс и т. д., — покончите со всѣми чудищами-иллюзіями человѣческой фантазіи и интеллекта, и воцарите одну, чистую от всяких химер фантазіи и интеллекта, социотехнику — и вы увидите как социальныя революціи посыплются у вас, как из рога изобилія. Социальныя революціи пойдутъ быстрее, чѣмъ сейчасъ физическія революціи, а физическія, в свою очередь, ускорятся, окрылятся, освобождаясь отъ научной магіи, отъ путъ ложной науки, и такъ только, и тогда только человѣкъ станетъ настоящимъ господиномъ своего положенія. Ибо богъ и природа это кумиръ угнетателей, а культъ Человѣка это культъ Угнетенныхъ: пантехника (всетехника, техника, регулирующая все и ни чѣмъ не регулируемая, т. е. не нормированная ни религіей, ни наукой) это идеологія угнетенныхъ.

Итакъ, социотехника, какъ вѣтвь пантехники, провозглашаетъ полнѣйшую свободу пересозданія, ничѣмъ нестѣсненный размахъ и ничѣмъ неограниченное разнообразіе формъ социального строительства, — безконечная возможность, всемогущество социального творчества.

Но одна возможность пересозданія недостаточна. Для того, чтобъ *возможное* пересозданія перешло въ *дѣйствительное*, требуется еще желаніе и, главнымъ образомъ, желаніе, желаніе пересоздать, воля къ социотехническому творчеству. Только возможность в связи съ желательностью двигаетъ впередъ социотехнику. Безъ желанія возможное не превратилось бы въ дѣйствительное и, с другой стороны, только нежеланіе создало лжеученіе о невозможности (о неприкосновенности социальной природы), идеологію угнетателей, которой мы противопоставляемъ идеологію Угнетенныхъ, ученіе объ абсолютной извѣстной внѣшней природо-объективной *все-возможности*, ограниченной лишь нашей человѣко-субъективной невозможностью или маловозможностью, то есть нашимъ техническимъ *пока еще* неумѣніемъ и нашимъ нежеланіемъ. Желаніе есть, такимъ образомъ, главное предварительное условіе технического умѣнія. Другими словами, *недовольство* существующимъ есть основной двигатель технического прогресса, ибо всякій техническій прогрессъ базируется на возможности и желательности изобрѣтенія, на возможности и желательности усовершенствованія.

Все существующее и неразумно и нежелательно. Все требуетъ улучшенія, усовершенствованія. Все требуетъ коренного переустройства коренного перекраиванія, коренного пересозданія. Этимъ девизомъ родилась техника на зарѣ цивилизаціи, этотъ девизъ она проводитъ въ жизнь на всемъ протяженіи человѣческой исторіи, несмотря на всѣ старанія и попытки помраченія ея революціонизма со стороны угнетательской науки; это міровозрѣніе, міромышленіе и мірочувствованіе, вѣрнѣе, міропреобразование каждаго великаго техника, каждаго великаго изобрѣтателя. Это, в сущности, и есть идеологія, міровозрѣніе и

рабочаго класса снят с очереди дня и похоронен в могилу научной фразеологіи (по философіи пантехникализма: стал предметом искусства умности), самое лучшее, выродился в научное мессіанство, в что-то никогда недостижимое, болѣе того, достиженіе чего вовсе не обязательно.

Так религія обманула Угнетенных в первый раз, обманула своим религіозным мессіанством, направляя взоры Угнетенных в какую то необозримую даль, в какую то заоблачность небес и времен и отвлекая, и их дух разрушенія, и их дух созиданія, от реальнаго мессіанства т. е. от соціотехники, от настоящаго обществостроительства, ибо соціотехника не говорит и фантазирует о мессіи, а творит Мессію, строит Мессію, ибо царство Божіе издавна уже могло бы быть на землѣ, если бы мы могли, желали и умѣли ее устроить.

Так наука обманула и обманывает Угнетенных во второй раз, обманывает своим научным мессіанством, которое также, как религіозное мессіанство, сыгрывает свою злую шутку, одурманивая и удерживая угнетенное человѣчество от реальнаго претворенія своего идеала в дѣло, от реальнаго уничтоженія зла, уничтоженія угнетенія.

Итак, не естественные процессы, идеологія угнетателей, и не историческіе идеалы, ловко придуманные угнетательской наукой громовотводы, отводы соціальной революціи, наше философское *credo*, а—соціотехническій идеал, идеал, который может сію минуту быть осуществленным. Реализація нашего идеала зависит лишь от нашего *умѣнія*, от нашей *изобрѣтательности*.

Таков взгляд физотехника (физическаго техника): покореніе воздуха, напр., не глупый историческій идеал, а вопрос нашей изобрѣтательности. Работайте, стройте, пробуйте, творите, и чѣм больше, тѣм лучше. Если сумѣете, то оно будет завтра.

Таков и взгляд соціотехника, соціальнаго строителя, истиннаго революціонера. Не говорите о соціальных революціях, а дѣлайте их, не мечтайте о них, а творите их!

Соціальная революція (а нам еще нужно нѣсколько соціальных революцій, вѣрьте, одна пансоціальная революція) не за религіозными и научными горами, а за плечами соціотехники.

Но развѣ „соціальная революція“ сейчас возможна?

Конечно, возможна. Все возможно—говорит соціотехника,—требуется лишь изобрѣтательность. Провозглашайте право соціотехника, право на соціальное изобрѣтеніе, право соціальнаго творчества, право изобрѣтать и право примѣненія этих изобрѣтеній, давайте полнѣйшую свободу претворенія соціальных изобрѣтеній в дѣло, въ жизнь. Устраивайте соціотехническіе лаборатории, соціотехническіе институты, соціотехническіе колоніи и т. д. Давайте ходу соціотехническому генію, давайте ему простору, оказывайте ему поддержку, не опутывайте его ложной угнетательской религіей и ложной угнетательской наукой, не тормозите его религіозным и научным мессіанством

брътающая болѣе моральныя формы. Не мораль проповѣди, а дѣла. Словом, недовольство это мораль Угнетенных.

А упятеренное недовольство это наш девиз, девиз Союза Пяти.

Будь упятеренным недовольным! говорит мораль Союза Пяти.

Недовольство двигает вперед социотехнику. Упятеренное недовольство упятерит скорость социотехническаго темпа.

Союз Пяти Угнетенных, таким образом, и слагает и пятерит: слагает существующих пять недовольств отдѣльных Угнетенных и пятерит их, повелѣвая каждому из угнетенных стать впятеро болѣе недовольным, *быть упятеренным недовольным, упятеренным революционером.*

Слагательная задача Союза Пяти состоит, слѣдовательно в том, чтобы использовать пять особых сил, дѣйствующих сейчас врозь и даже иногда, по ограниченности своей, наперекор друг другу, для составленія из них одной системы сил, долженствующей обязательно усилить социотехнический эффект. Это означает сложеніе-блокированіе пяти недовольных коллективов: Рабочих-Босяков, Женщин, Итерриториаліев (Угнетенных Национальностей), Учащейся Молодежи и Развитых Личностей.

Множительный-же призыв обращается, хотя и к этим коллективам, но, главным образом, к индивидам. Это призыв к упятеренной революціонности, к упятеренной дѣятельности, к упятеренной социотехнической изобрѣтательности, к упятеренному разрушенію и упятеренному созданію.

Ты, будь впятеро недовольнѣе!

Пананархизм как платформа Союза Пяти Угнетенных.

Если говорить болѣе политическим языком и желать все политическое выразить так же ясно, так же однословно, как вся наша социальнo-философская точка зрѣнія схвачена словом, „Социотехника“, то, пожалуй, не окажется болѣе подходящаго для этого слова, как *пананархизм*.

Мы потому и скажем:

Платформа Союза Пяти Угнетенных—это пананархизм.

Но что означает пананархизм?

Панархизм означает стремленіе к коренному переустройству *всего* общества на новых, болѣе усовершенствованных началах или, точнѣе, на началах, долженствующих считаться пока социотехнически идеальными, т. е. представляющих предѣл нашей желательности и представляемой нами пока социотехникой возможности.

Но чѣм именно пананархизм отличается от социализма вообще?

Пананархизм отличается от социализма прежде всего своим подчеркиваніем всего. Пананархизм, в отличіе от социализма, стремится к коренному переустройству всего общества—вот ясная и отчетливая формулировка его, формулировка, не допускающая никаких недомол

мірочаяніе Угнетенных, идеологія будущаго Человѣчества, будущаго Человѣка, Человѣка-Творца, будущей свободной Личности.

Итак, недовольство физическим существующим, так сказать, существующеухульство есть основной двигатель технического прогресса. Отсюда слѣдует: недовольство социальным существующим есть основной двигатель соціотехническаго прогресса.

А это и выдвигает на авансцену исторіи угнетенных, этих недовольных коллективов.

В современном обществѣ существует пять видов угнетенія,—основной тезис Союза Пяти Угнетенных. Пять угнетеній порождают пять *недовольств*. А эти пять недовольств, часть которых уже выявилась, а часть которых находится в процессѣ выявленія, и суть пять двигателей соціотехническаго прогресса. Ибо только недовольство угнетенных, являющееся главным побужденіем к соціотехническому творчеству, ведет к усовершенствованію старых социальных форм и к изобрѣтенію новых, на нашем языкѣ, к соціотехническому усовершенствованію, называемому вульгарным языком эволюціей, и к соціотехническому, изобрѣтенію, называемому вульгарным языком революціей.

С точки зрѣнія соціотехники, дѣйствительной Великой Революціей является не столько момент, когда массы маршируют по улицам с красными знаменами, сколько момент, когда соціотехник дѣлает социальное изобрѣтеніе, когда изобрѣтается та форма социальной, проведеніе в жизнь которой (т. е. примѣненіе и эксплуатация этого социального изобрѣтенія) обыкновенно называется „революціей“. Но как бы то ни было одно ясно: оба момента, и момент изобрѣтенія, и момент примѣненія, черпают свою побудительную силу в одном—в недовольствѣ существующим, в недовольствѣ Угнетенных угнетательскими порядками-непорядками.

А отсюда слѣдует категорическій императив новой морали, морали Угнетенных:

Будь недовольным! Не мирись! Не успокойся!

Недовольство Угнетенных есть их величайшая добродѣтель, ибо эгоизм Угнетенных есть величайшій альтруизм. Их недовольство готовит человѣчеству лучшія, высшія, болѣе усовершенствованныя формы существованія.

Стушевывать и сглаживать—это мораль угнетателей; проповѣдывать отреченіе Угнетенным—дѣло угнетательской религіи и угнетательской науки, во отреченіе Угнетенных от своих интересов есть преступленіе перед человѣчеством, не только перед самими собою.

Раскрывать и обнажать, раскрывать гнойники, обнаруживать противорѣчія и проповѣдывать отреченіе угнетателям, отреченіе от угнетательских интересов—вот новая мораль, истинная мораль, мораль Угнетенных, которая есть мораль человѣчества. Она и есть мораль соціотехническая (этотехника), измѣняющая, перестраивающая, изо-

мировал свое классовое избранничество до человечественного избранничества, являясь уж не носителем прогресса одной области, а прогресса всего общества вообще. И процесс этот, в сущности, весьма прост: являясь недовольным в какой-либо одной области общественной, он мало-по-малу переносит свое недовольство и на всё остальные стороны социальной жизни, пока он не становится общим *орудием* социотехнического прогресса. Так этот процесс все равно совершается, но как бы самим собою, т. е. сравнительно бессознательно. Внося же сознание в этот несознательный процесс, мы вместо *смутного недовольства* всем, вместо этого, так сказать, социального нутья и ворчливости, ставим наш ясный и кристаллизованный, определенно сформулированный пяти-идеал (пентаидеал). Слѣпое общее недовольство также, правда, имѣет тенденцію распространиться на все, но оно сохраняет характер эгоистического классового субъективизма, размаскивая всё остальные виды угнетения, как подчиненные, и только с точки зрѣнія своего вида угнетения.

Эта низкая грубая точка зрѣнія, которую можно назвать гегемоніей одного вида угнетения, абсолютизма одного идеала, прекрасно представлена социал-демократіей и „коммунистами“, заблужденія которых не менѣе велики, чѣм их заслуги.

Пананархизм же признает и провозглашает, наряду с *солидарностью* интересов всех Угнетенных, и равноцѣнность всех Угнетенных, равно как и *равноцѣнность* их пяти-идеалов, синтезированных вмѣстѣ в пананархизмъ, означающем одинаковое стремление к полному упраздненію всех пяти видов угнетения современнаго общества, к полному упраздненію зла всех пяти сторон нашей жизни: и экономического, и семейнаго, и національно-государственнаго, и воспитательнаго, и индивидуально-государственнаго.

Остановимся, однако, еще болѣе подробно и отчетливо, на подчеркиваніи этого всего, так сказать, на „панизмѣ“ пананархизма, давая ему в дальнѣйшем и болѣе конкретную и болѣе точную формулировку.

Пананархизм, буквально означающій „всеанархизм“, являя собою идеологию всех Угнетенных, а не гегемонію одного из них, стремится не к упраздненію одного какого-либо зла, чувствительнаго для одного Угнетеннаго, т. е. для одного коллектива угнетенных, а к уничтоженію всех зол современнаго общества. Таких главных основных зол существует, по взглядам пананархизма, пять. Это *пять* неурядиц пяти строев нашей общественной жизни, олицетворенных в *5-и его институтах*: в хозяйствѣ, семьѣ, школѣ, государствѣ, и так называемой междундродной политикѣ.

Из них чуть ли не наиболѣе важным является государство, ибо государство, по природѣ и функціи своей, есть организатор и регулятор всего остальнаго, всей общественной жизни, и оно будучи несовершенным тормозит все. Мы и видим потому, что пока вспыхнувшія революціи были, главным образом, не социальными, т. е. не хо-

вож и недодумок. Соціалізм же, обыкновенно, или отождествляется и ограничивается одним коллективизмом или коммунизмом, т. е. рѣшеніем одного рабочаго вопроса, или же, в самом лучшем случаѣ, оставляет *все прочее* на произвол безформенности, неопредѣленности и неформулированности, об'являя его или чѣм-то безразличным или же чѣм-то результирующим.

Пананархизм клеймит это безразличное или покровительственное отношеніе ко *всему*, ко *всѣм* другим Угнетенным, со стороны коллективизма или коммунизма, со стороны рабочаго, предосудительным классовым эгоизмом, ставящим вмѣсто стараго варварскаго избранничества одного какого-нибудь народа новое избранничество одного рабочаго класса, идеологія вредная общим интересам *всѣх* Угнетенных, слѣдовательно, и интересам человечества, и, в конечном счетѣ, вредная интересам самого рабочаго класса, в виду солидарности интересов *всѣх* Угнетенных.

Пананархизм, таким образом, возстает против этого, так сказать, абсолютизма коллективизма, против постыднаго намѣренія использовать *всѣх* других Угнетенных для цѣлей класса.

Но пананархизм отнюдь не намѣрен умалять заслуги, роль и призваніе рабочаго класса, он нисколько не пытается оспаривать истиннѣ заслуженное избранничество рабочаго класса, он его лишь *локализирует*, ограничивая сферу его компетенціи лишь экономикой и к тому всегда подчеркивает, что ровно так же, ровно такую же избранническую роль, он, т. е. пананархизм, признает за каждым из четырех остальных Угнетенных, за каждым из них, но исключительно в сферѣ его угнетенности. Каждый из них не только избранник нужды и горя, избранник угнетенія, но и избранник будущаго веселья, избранник радости перестроенія. Так Женщина призвана раньше или позже преобразовать семью, Молодежь—преобразовать школу, Итерриторіалій (Угнет. Нація) и Личность—преобразовать государство и интернаціональныя отношенія.

Существует, таким образом, не один двигатель прогресса, а пять. Мы уже сказали, что в современном обществѣ существует пять *недовольных*, а эти пять *недовольных*, пять Угнетенных, они и двигают соціотехническим прогрессом.

Но на мѣсто единичнаго избранничества, т. е. носительства идеала и двигательства прогрессом, *каждаго* из Угнетенных, *каждаго* в своей области, можно, обобщая их, поставить избранничество, призванность *всѣх* Угнетенных, призванность их к преобразованію *всего* общества. Правда, Угнетенный лишь призван преобразовать сферу своего угнетенія, но Угнетенные, взятые вмѣстѣ, уж призваны преобразовать все общество. А если так, то и каждый Угнетенный, поднимаясь и дорастая, на основаніи солидарности интересов *всѣх* Угнетенных, до пананархизма, до точки зрѣнія *всѣх* Угнетенных, до общаго идеала уничтоженія *всѣх* пяти видов угнетенія и исходя из него, уж субли-

дня урегулируется ученический день. Тѣм не менѣе экономо-монизм это молчаливо утверждает. Но это очевидная нелѣпость. Неужели, заведя 8-ми часовой рабочий день, самим собою уничтожится задавание уроков на дом, эти „сверхурочныя работы“, никак не допустимыя с точки зрѣнія истинной педагогики, ограждающей интересы молодежи и дѣтства (не той, конечно, педагогики, жертвующей молодежью и дѣтства ради удобства старших и учителей), или уничтожатся самим собою экзамены всякаго рода, этот ученический кошмар, этот организованный разбой-убой, это педагогическое хулиганство, эта травля на молодежь, на молодость, на жизнь и мысль, развѣ исчезнут с лица земли всѣ эти „до сих пор“ и „наизусть“!

Да! они исчезнут, это наслѣдіе варварства и докнигопечатанія, исчезнут навсегда с лица педагогической земли, но лишь при первой всеобщей ученической забастовкѣ, именно тогда, когда вѣчно-нѣмая Молодежь и Юношество заговорят о своих человѣческих правах, возьмут свою собственную судьбу в свои собственные руки, соединяя и солидаризуя ее с судьбой всѣх остальных угнетенных, иными словами, когда молодежь станет такой же угрожающей и сознательной силой, стоящей на точкѣ зрѣнія борьбы за свои интересы, каковой является сейчас только один организованный пролетаріат, и ровно так же, как послѣдній, т. е. пролетаріат, сознает себя носителем соціально-экономическаго идеала, она будет сознать себя носителем соціально-педагогическаго идеала.

Итак, явной нелѣпостью является это сведеніе всѣх видов угнетенія к одному, к одному воспитательному или к одному хозяйственному или к тому подобному. Нѣтъ! только изслѣдуя каждый вид угнетенія в отдѣльности, как вид угнетенія, имѣющій мѣсто в хозяйствѣ, так и тѣ виды, реализующіеся в других отраслях: в воспитаніи (в школѣ), в семьѣ, въ отношеніях между націями, и в государствѣ, изучая как вид насилія, совершаемый одним классом над другим, так и тѣ виды насилія, совершаемые одним полом (мужчинами) над другим (женщинами), или одним поколѣніем старым (воспитателями) над другим подрастающим (воспитанниками), или же одной націей господствующей (территоріалистом) над другой, вѣрнѣе, над другими націями (интерриторіалистом) или же, наконец, государством, т. е. принудительным обществом над личностью,—только изслѣдуя и изучая каждый вид в отдѣльности и противопоставляя каждому из них его противоположность, полное неугнетеніе, как идеал, и синтезируя всѣ эти идеалы вмѣстѣ, только таким путем мы получаем этот *угнетенный пананархическій идеал*.

Соціализм и пять угнетенных.

Соціалист, право, благодушествует иногда и на счет молодежи, но по отношенію к ней он, в самом лучшем случаѣ, остается *либералом*, жалким реформатором, но не революціонером.

зяйственными, и не семейными, и не школьными, а политическими, т. е. реформирующими государственный строй. Этим и объясняется тот факт, что нѣкоторые соціотехники (соціальные реформаторы и изобрѣтатели), а именно авторы-творцы анархических соціотехнических изобрѣтеній-планов, рассматривают переустройство государства, как панацею против всѣх зол. Но и этот государственный монизм, полито-монизм является такой же неправильностью, как и пресловутый хозяйственный монизм, экономо-монизм (так называемый историческій матеріализм), предполагающій, в ограниченности своей, разрѣшать все, разрубить всѣ узлы одним пересѣченіем *экономического узла*. С таким же правом монист-педагог, вроде Песталотци, усматривал в своей реформѣ воспитательнаго строя (кстати уж всѣми теперь признана неудовлетворительной, и с точки зрѣнія одной педагогики) панацею против всѣх зол, и одним упорядоченіем воспитанія намѣревался закрыть источник бѣды-нищеты (*die Quelle des Elends zu stopfen*), словом, рѣшить вопрос труда вопросом воспитанія.

Современная человѣческая мысль, к счастью, переросла эту стадію наивности, по отношенію к вопросу труда. Мало окажется сейчас наивных фанатиков воспитанія, мечтающих разрѣшить рабочій вопрос ученическим вопросом, т. е. вопрос труда вопросом воспитанія. Но зато появилось множество слѣпцов-монистов, экономо-монистов, не менѣе наивных фанатиков, мечтающих о разрѣшеніи вопроса воспитанія вопросом труда. Но для серьезно мыслящих экономо-монизм такая же несостоятельность, как упомянутый педагого-монизм. Правда, существует взаимоотношеніе, взаимосоприкосновеніе и взаимовоздѣйствіе между отдѣльными областями нашей жизни, и, улучшая одну из них, мы тѣм самым косвенным путем уж улучшаем или подготовляем лучшую почву для проведенія улучшеній и в других отраслях, на чем и основывается фактическая солидарность интересов всѣх угнетенных, гласящей: заинтересованный в коренном преобразованіи одной из областей нашей общественности в сущности и заинтересован, если не в коренном, то в нѣкотором преобразованіи и других областей,—тѣм не менѣе области сохраняют свою самостоятельность и кто желает коренного переустройства всѣх их не должен и удовольствоваться общими фразами о желательности улучшенія-пересозданія всего общества, а выступать с конкретными планами-требованіями, формулированными для каждой из них в отдѣльности и исходя из каждой из них в отдѣльности, из глубины особенностей каждой отрасли, а лишь обобщенными и синтезированными наверху в одно цѣлое. Что области самостоятельны показывает нам наглядно хоть-бы тот примѣръ, что как абсурдно предположить, что урегулированіем ученическаго дня, установленіем занятій в школах только до 2 или 3-х часов (ибо существуют варварскія школы у отсталых народов, гдѣ ученики учатся круглый день), мы урегулировали рабочій день, так и не менѣе абсурдно допустить, что урегулированіем рабочаго

снимая с себя всякую отвѣтственность и обязанность, взваливая все бремя вскармливанія и воспитанія ребенка на женщину, уж не говоря о страданіях и опасностях, которыя для женщины связаны с любовью! Мало ей платиться кровью и, нерѣдко, жизнью, она должна еще быть брошенной совершенно на произвол судьбы, тяготиться одна всѣми послѣдствіями, и если, наконец, избѣгнет смерти, то нести тяжелый крест кормленія и воспитанія на себѣ.

Женщина—страдалец, обиженная даже природой, всѣми эксплуатируемая, как же социалистам не дѣлать из нея эксплуатацію для своей агитаціи и полемики! А это преступленіе дѣлается и сознательно и бессознательно: маниак-монист не видит женщины, а пролетарку. Рождает у него, очевидно, рабочая сила, а не женщина...

Но за этим монизмом, по отношенію к женщинѣ, всегда скрывается грубый эгоизм и хищнически-эксплуататорская наклонность мужчины, его пѣтуше-ненасытное сладострастіе.

Половой либерализм господ писателей полигинистов, радикалов, социалистов и так называемых анархистов, это либерализм неумоимой жажды вольничавшаго безнаказанно для себя, неистовствующаго в своих излішествах мужчинскаго полового инстинкта. Мы бы против него ничего не имѣли, если бы он был насчет себя самого, на свой счет, а не на чужой, на счет несчастной женщины...

Так либерал-фабрикант либеральничает на счет рабочаго, так „большой“, старик и взрослый социалист-педагог демократничает на счет молодежи и ребенка, так социалист или мнимый анархист господствующей націи космополитничает за счет несчастной угнетенной національности.

Блестящим примѣром социалиста націеѣда, космополита на счет других, может служить „великій“ монист Плеханов. Каким щедрым он был на счет всѣх бывших угнетенных національностей в Россіи! Сколько проклятій и насмѣшек сыпалось на голову несчастнаго Бунда за его жалкую національно-меньшевистскую (ибо может ли какой-то Бундик не быть меньшевистским даже в своей реакціонности!) культурную автономию, со стороны неумоимаго мониста и космополита Плеханова. Но как только вспыхнула война, и дѣло дошло до самого себя, до своей націи, то этот архи-космополит сразу стал архи-патріотом, „единственным“, показывая нам истинную внутреннюю связь между монизмом, космополитизмом и имперіализмом. Монизм социалиста означает: или моя партія должна властвовать над всѣми, гнуть всѣх в рог, извести всѣх и все, замучить всѣх безпартійных, внѣклассовых и междклассовых, расправиться со всѣми другими партіями, травить всѣх других угнетенных, а главным образом, зачумлять личность (Ленин с его диктатурой „коммунистов“) или-же моя нація должна

См. нашу брошюру „Космизм или идеологія итерриторіаліата“ (1909 г.), гдѣ мы уже тогда, чуя лживость плехановскаго космополитизма, заклеили его, как и Каутскаго, „мѣдными лбами проституточнаго космополитизма“

Педагогическим либерализмом, педагогическим меньшевизмом страдают всѣ проектируемыя реформы школы, не исключая и трудовой школы.

Не улучшение участи молодежи, а полное ея раскрыпощение—вот задача пананархизма. А освобождение молодежи из духовнаго рабства воспитанія возможно лишь при полном исключеніи религіи и науки из школы.

Но в социалистическую программу никогда не вошли такія крайнія педагогическія требованія, которыя, если говорить языком суетвѣрнаго социализма, нужно было бы назвать „программой максимум“ молодежи; притом и тѣ мелкія реформы, поддерживаемыя или совершаемыя ими, дѣлаются не во имя защиты интересов угнетенныхъ воспитаніемъ молодежи и дѣтства, а опять таки лишь во имя экономического монизма. Реформа в воспитаніи является для них лишь прилаткомъ, послѣдней спицей в колесницѣ социализма. Она и носит потому извращенное экономо-монотическое названіе: „демократизація школы“, и представляет собою образчикъ жалкаго педагогическаго либерализма и демократизма. Но с точки зрѣнія молодежи и ребенка, первымъ дѣломъ, требуется *педизація* школы, а не демократизація, которыя столько же далеки друг от друга, сколько анархизм от либерализма.

Этимъ-же либеральнымъ благодушествованіемъ, которымъ маскируется духовная эксплуатація, эксплуатація чужого горя в видахъ агитаціи для исключительно своего классоваго или групповаго собственнаго идеала, проникнуто все отношеніе социал-демократіи и къ женщинѣ. Женщина хорошій лакомый агитаціонный кусокъ. Такова женщина для Бебеля и даже для Клары Цеткина. Имъ на руку, на руку своей полемики съ буржуазными идеологами, и публичная проституція, и домашняя проституція... Все это прекрасныя агитаціонныя средства. Но что дѣлаетъ социал-демократія, вообще социализмъ, для освобожденія женщины? Снимаетъ ли онъ на дѣлѣ бремя домашняго хозяйства и воспитанія с плечъ женщины, создаетъ ли онъ на дѣлѣ институты для социализаціи домашняго воспитанія и социализаціи домашняго хозяйства? Нѣтъ. Онъ либеральничаетъ...

Но что ужъ говорить о либеральничаніи социалистовъ когда намъ приходится краснѣть и за либерализмъ нашихъ такъ называемыхъ анархистовъ. Эти социалисты и анархисты проповѣдуютъ свободную любовь. Прекрасно! Но что такое свободная любовь для женщины при современномъ андріархатѣ. Это либерализмъ капиталиста. *Свободная любовь при андріархальномъ нашемъ строе—это свобода эксплуатаціи женщины, какъ свободная конкуренція это свобода эксплуатаціи рабочаго.* Свободная конкуренція это ненасытный богъ наживы буржуа, это маммона; а нынѣшняя свободная любовь это ненасытный богъ разврата мужчины. Свободная любовь при отсутствіи Женскихъ Союзовъ, при совершенной безсознательности и беспомощности женщины, означаетъ свобода высосать ее и бросать вонъ, какъ шелуху. Что за свобода, когда мужчина-сластолюбецъ, лизунъ, котъ, можетъ натѣшиться, сколько душѣ угодно,

лишь для того, чтоб показать всю бессмысленность монизма, ухватился убогими руками за *политику*, за политическую борьбу. К доверпенію безалаберчины, он уцѣпился нѣсколькими пальцами и в профессиональный союз. Но если политика и партія, то к чему профессиональный союз и экономика!

Гдѣ же здѣсь монизм! Если же, далѣе, и экономику саму понимать чисто-марксистски, т. е. опять монистически, сведя и ее к одному, к техническому прогрессу, то, спрашивается, к чему профессиональные союзы: не лучше было бы рабочим основать *технические союзы*, поступать, на примѣр, на электротехнические курсы, и таким путем идти прямо к экономо-технической цѣли, воистину содѣйствуя естественному процессу, концентраціи капитала, росту производительных сил. Очевидно, если быть послѣдовательным марксистом, истинным монистом, то нужно признать цѣлесообразность лишь одних союзов инженеров, электротехников и т. п.

Но Маркс от яраго монизма вдруг ударился в безудержнѣйшій плурализм, да еще какой—совершенно безпринципнѣйшій!

Такова уж судьба всѣх архи-монистов превратиться вдруг, совершенно противорѣча себѣ, в архи-плуралистов.

Так тѣло монаха опшельника вдруг, взбунтуясь против систематическаго ея умерщвленія и мстя за него, дает себѣ волю и возмѣщеніе в безудержном разгулѣ и развратѣ. Так и дух монистов мстит за свое монистическое умерщвленіе, возстановляя свои права путем грубой бессистемности и безтолковщины.

Карл Маркс, крайнѣйшій монист в теоріи, создал потому самую плуралистическую противорѣчивую тактику, добавляя ко всѣм своим противорѣчіям, еще одно: противорѣчіе между теоріей и тактикой. Это не случай: всякій монизм противорѣчив, и на практикѣ вырождается в полнѣйшую безпринципность.

Примѣром этому пусть послужит хоть бы монистически-суб'ективный трансцендентализм Канта, выродившійся в его „Критикѣ практическаго разума“, так сказать, в его тактикѣ—в свободу воли, слѣдовательно, в плурализм, каковую участь раздѣляет, впрочем, вся нѣмецкая культура, копирующая, как мы доказываем в наших философских трудах, древнеиудейскую культуру: она слишком монистична в чистой теоріи, и совершенно хаотично-плуралистична в своей практикѣ, т. е. в прикладной своей наукѣ или прикладной теоріи. Таково и противорѣчіе между „законом“ и „пророками“ (Лук. XXV, 6), и между хаотическим талмудом и крайне-выдержанным философским еврейским монотеизмом, как и между нѣмецкой юриспруденціей и философіей. Нѣмецкая индукція, казус, сингуляр, безсвязна, нагромождена и путана, как еврейская. *Этот хаос в „законѣ“, в практикѣ, в тактикѣ, законное дѣйствіе монизма.*

Крайне-монистическій бог не рождается из хаоса, но зато рождает хаос. Самое крайнее отрицаніе хаоса—монизм,—не будучи в со-

господствовать над всѣм міром, самое меньшее, над шестой частью земного шара, угнетать и истреблять сотню угнетенных національностей (Плеханов). Космополитизм „коммуниста“ означает: Смольный Институт (первое богоявление) и Кремль (второе богоявление) должны расплзтись-разрастись по всему земному шару, поглощая его, как по талмудической легендѣ, Палестина, и Совнарком должен захватить мировую власть (Ленин). Космополитизм-же обыкновенный означает: моя родина должна поглотить весь земной шар (Наполеон, Цезарь, Александр Македонскій).

Так космополитничает социализм, угнетая, изводя угнетенныя національности своим правым крылом, или же, в самом идеальнѣйшем случаѣ, либеральничая на словах, говоря о федеративности націй и требуя на дѣлѣ безпрекословной послушности от них, когда у него хватает сил заставить,—своим лѣвым крылом, „коммунистическим“.

Социализм, таким образом, кромѣ того, что он неправильно и неумѣючи, коллективистически-централистически, рѣшает рабочій вопрос, совершенно *игнорирует* или *эксплуатирует*, как дѣтскій вопрос, так женскій вопрос, так и національный вопрос (т. е. угнетенно-национальный вопрос, как мы его называем: итерриториальный).

Но самое страшное еще впереди. Смертный грѣх марксизма или экономо-монизма это не грѣх против ребенка, о котором Маркс понятія не имѣл, и не против женщины, которую Маркс эксплуатировал, и даже не против угнетенной національности, которую Маркс своим лжекосмополитизмом, выродившимся потому, в послѣднее время, в патриотизм почти у всѣх правовѣрных его учеников,—его смертный грѣх это его грѣх против личности. Выдвигая диктатуру пролетаріата, он стал бичем „человѣка“, ужасом культуры, чучелом „свободы личности“.

Низводя все к одному, к монизму, он в сынѣ рабочаго проглядѣл ребенка, в работницѣ—женщину, забыл о принадлежности большинства рабочих к угнетенным національностям, а под конец, забыл, не знал и не понимал, что и рабочій — человѣкъ, личность, тяготящаяся насиліем общества, государством, что тюрьма, суд и закон его мучит, угнетает, во всяком случаѣ, не меньше, чѣм буржуа, и что ему, как человѣку, как личности, ни тепло, ни холодно от того, что эта карающая мучающая власть будет величать себя „рабоче-крестьянской“.

Словом, он „все“ забыл ради „одного“.

Все это плоды монизма и синкретизма. Низводя все к одному, к монизму, к единству, они низводят все на „ничто“, ни к чему.

Монизм, обыкновенно, переходит в свое противорѣчіе: не умѣя свести все к одному, он создает синкретизм, путаницу. Путаная голова Карла Маркса явила нам разительнѣйшій примѣръ безпомощности монизма и безалаберщины, преслѣдующей его по стопам. Сведя все к *экономикѣ*, он тѣм не менѣе ни с того, ни с сего, а как бы

Вот переход коммунизма в индивидуализм, вот соприкосновение и довершение одного другим!

Для нас ясно, что только по недорозумѣнію или недомыслию против коммунизма возстают „таланты“, „творцы“, художники и всѣ „интеллигентствующие“.

Для „карманных“ талантов, для толстосумовыхъ гениевъ, коммунизмъ опасенъ. Въмѣстѣ съ отощаніемъ кармана, у нихъ тощаетъ и муза, ихъ творчество.

Для истинныхъ гениевъ, истинныхъ творцовъ, только тогда и взойдетъ солнце творчества; обеспеченными отъ голода они будутъ свободно творить и полезное (тѣхнику), и прекрасное (искусство), и умное (науку какъ искусство умности), не продаваясь капиталу.

И никогда ужъ больше не закатится солнце-солнца коммуны—Трудовое творчество, Творчество Труда, Творчество Пянтехники, Вѣчное Творчество.

С коммунизмомъ безпомощно и бессильно соперничаетъ коллективизмъ, означающій отмѣну частной собственности лишь на орудіе производства.

Для насъ нѣтъ сомнѣній, что коммунизмъ, какъ наиболѣе крайнее рѣшеніе рабочаго вопроса, рассматривающее послѣдній лишь какъ часть болѣе общаго вопроса, вопроса о богатыхъ и бѣдныхъ вообще, является и наиболѣе желательнымъ и наиболѣе правильнымъ.

Коллективизмъ есть половинчатость. Если останется частная собственность на предметы потребленія, то богатые кулаки или вовсе не выведутся или вновь появятся. Подай только черту частной собственности палецъ, и вся рука твоя окажется въ его лапахъ.

Коммунизмъ неизмѣримо выше коллективизма во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ выше и **соціально-технически**, какъ болѣе усовершенствованная и болѣе простая форма владѣнія, и **идеально-нравственно**, какъ наиболѣе отвѣчающій требованіямъ высшей морали. Какъ горная вершина надъ подошвой, возвышается мораль коммунизма надъ моралью коллективизма.

Верхъ и низъ сливаются, небо съ землею цѣлуются въ коммунизмѣ. Обитатели „дна“ и дѣти солнца сбратались въ немъ.

И если коллективизмъ есть лишь идеалъ пролетарской знати, состоятельныхъ рабочихъ, то коммунизмъ идеалъ и сознательнаго пролетариата и люмпен-пролетариата, голышей, батраковъ, идеалъ всѣхъ бѣдныхъ и голодныхъ, всѣхъ оборванныхъ и босыхъ, всѣхъ неимущихъ.

Коммунизмъ есть идеалъ всего общества снизу доверху, и сверху до низу.

II.

Космизмъ или освобожденіе угнетенныхъ національностей.

Второй идеалъ, идеалъ итерриторіаліата, т. е. всѣхъ об'единенныхъ угнетенныхъ національностей—это космизмъ. Космизмъ означаетъ

стоянии сладить с реальной действительностью или даже с его им же исковерканной действительностью, переходит само в хаос: теряя единую нить, рассыпается.

Так марксистский монизм превращается в первородный тактический хаос, увячанный еще новым большевистским и меньшевистским столпотворением.

Пять идеалов пананархизма.

I.

Коммунизм.

Первый идеал это коммунизм. Он являет собой полное уничтожение частной собственности, и на землю, и на орудия производства, и на предметы потребления. Его девиз: все—всѣм!

Земля, все что в ней и на ней, фабрики, дома, одежда, хлѣб, всѣ богатства принадлежат всѣм членам общества, коммуны. Произведения труда поступают в общественные магазины, откуда выдаются всякому в неограниченном количествѣ, сколько ему надобно. Каждому по потребностям.

И владѣніе, и потребление при таком порядкѣ, являют собою разительнѣйшій примѣръ **простоты, нормальности**. Гордые узлы современнаго хозяйства пресекаются одним ударом. Запутанный клубок хозяйственных отношеній распутываются дивнѣйше нехитрым образом.

Богатство общества, как накопленное трудами вѣков, трудами всѣх (кроме паразитов-капиталистов, помѣщиков и рабовладельцев), естественно должно принадлежать всѣм.

Потребление же регулируется потребностями. Оно индивидуально. Оно сообразовывается с физиологическими особенностями, вкусами и желаніями каждаго члена коммуны.

Все внѣшнее—всѣм одинаково.

Все внутреннее—каждому в отдѣльности.

Все стоит к вашим услугам: из этого разнообразія, изобилія, вы выбираете то, что вам нужно, то что вам нравится.

Проще, идеальнѣе и прекраснѣе в одно и то же время—и представить себѣ трудно!

Всѣ равны, абсолютно равны, и тѣм не мѣнѣе каждый живет своей особой самобытной жизнью.

„Каждому по потребностям“—и есть потому тот дивный мост, соединяющій коммунизм, это море общественности, с безконечным изобиліем изумрудных, углубленных в себѣ ручейков пананархизма.

Геній, титан техники, и послѣдній чернорабочій абсолютно равны в своих правах на жизнь. Но каждый из них живет своей своеобразной жизнью, живет „по своим потребностям“, живет в себѣ.

захватом государственных институтов и захватом права распоряжаться всѣми находящимися в данной области, иными словами: суть не в захватѣ **географической территоріи**, т. е. земли, а в **юридической территоріи**, т. е. в правѣ управлять; мѣняется не частное владѣніе землею, так как нерѣдко тот же крестьянин или помѣщик остается на мѣстѣ, а лишь частное владѣніе **территоріей**, т. е. появляется другой владѣлец частно-національной (в сущности по отношенію к индивиду это нужно назвать **обще-національной**, но мы здѣсь, рассматривая націю как коллективный индивид и рассуждая с точки зрѣнія человечества, правильно называем это частной собственностью, частно-національной, так как обще-національное, подобно слову „общечеловѣческое“ означало бы в данном мѣстѣ **человѣчественное**) собственности, территоріи. Войны, таким образом нужно опредѣлить как драки, возникающія между націями-владѣльцами, территоріальными собственниками, на почвѣ частно-владѣльчества. Но принимая во вниманіе, что эти собственники территорій, в современном обществѣ, не мелкіе, а крупныя, (назовем их крупными территоріалистами), и что захваченныя спорныя территоріи обыкновенно заселены угнетенными національностями, то войну нужно охарактеризовать как драку между территоріалистами за право угнетенія, так как, в сущности, все сводится к тому, в чье владѣніе, в чье рабство должны попасть эти невольники-націи, какому господину служить. И сама собою напрашивается мысль, что война между территоріалистами—господствующими—націями это что то вредѣ свободной конкуренціи между капиталистами. А их пацифизм?

Пацифизм территоріалистов, пацифизм дипломатическій, Гаагскій не есть истинный пацифизм, этический пацифизм (т. е. пацифизм „не убій!“), на котором воздвигается пацифизм „не угнетай!“) а лишь **синдикат-трест господствующих націй**, стремленіе к легкой территоріальной наживѣ; это праго угнетенія, добываемое без риска и жертв. Как синдикат—трест обезпечивает „мирную“ максимальную эксплуатацію рабочих, утилизуя и ту долю энергіи, которая иначе была бы израсходована на свободную конкуренцію, на усиленіе эксплуатаціи, так и этот Гаагскій синдикат-трест территоріалистов сводится к тому, чтобы обезпечивать за кучкой территоріалистов вѣчное господство над своими угнетенными національностями, возможность „мирнаго“ максимальнаго угнетенія их, угнетенія без подверженія себя риску и страху потерять вдруг кого-нибудь из своих угнетенных національностей. Этот пацифизм пока реакціонен, ибо при современных условіях только при возникновеніи драк между территоріалистами слабым территоріаліам (угнетенным національностям) удастся вырваться из когтей их, что мы видѣли на примѣрѣ Польши и Литвы в данной войнѣ. Правда, этот фактор лишь полупрогрессивный, так как он рѣшает лишь вопрос одной угнетенной національности (и почти всегда во вред другим угнетенным національностям, живущим бок о бок или в перемежку с этой новой территоріальной мелко-собственницей) и нисколько не общій во-

полное уничтожение современного территориального или империалистического порядка, который основан на частной собственности на территорию, т. е. на принадлежности данной территории одному господствующему народу. Космизм требует очеловечивания территорий, т. е. принадлежности каждой данной территории всем нациям земного шара, всему человечеству. Космизм не признает никаких государственных границ. Его девиз: **Весь земной шар всему человечеству**. Всякое частное владение, завладение какой-нибудь территорией одной какой-нибудь нацией, есть грабеж. Если частная собственность на капитал, прикрывающаяся, обыкновенно, фигурой сбережений и проч., нас обмануть не может, что уже говорит о частной собственности на территорию, захватно-грабительский характер которой ясен для всякого. Территориальная собственность сводится к порабощению всех национальностей всего земного шара какой-то кучкой господствующих наций, к порабощению и истреблению.

Отечество это грабеж! Отечество это разбой! И оно является таковым не только исторически, генетически, т. е. во время своего возникновения, зарождаясь грабежом и захватом, вытеснением или истреблением одного народа, или нескольких или многих народов другим народом, но и постоянно, статически, продолжая функционировать как таковое, т. е. как что-то хищническое, давящее, угнетающее. Современное государство, современная частная собственность на территорию, не есть мелко-собственническое, а крупное; современное государство есть государство национальностей (Nationalitätenstaat); это уж, так сказать, фабрика национального угнетения: одна господствующая нация угнетает иногда сотню и больше других национальностей. Так что отечество есть постоянный и крупный разбой. И поэтому только уничтожение всех отечеств, отмена частно-национальной собственности на территорию и замена ее общечеловеческой, что мы называем очеловечиванием или интернационализацией территорий, положит конец этому тихому маскированному „мирному“ разбою, угнетению национальностей, как и открытому разбою, называемому войной. Ибо только уничтожением всех отечеств, упразднением территориалистического (на вульгарном языке — империалистического) строя водворится воистину вечный мир на земле. Когда одному народу нельзя будет угнетать другого, нельзя будет господствовать над другим, тогда, очевидно, не из-за чего будет воевать. Когда нельзя будет больше награть территорий, тогда, разумеется, не будет больше хищнических набегов. Ибо война ведется не, как думает правящая социал-демократия, из-за рынка, а главным образом, в целях захвата власти, захвата права управления данным обществом, захвата данной территории как материального базиса управительной деятельности.

Война, в своем современном цивилизованно-разбойничьем фазисе, уж больше не является простым грабежом, грабежом имущества и земель, каковым она была когда-то, а территориалистическим, грабежом территорий, т. е. не захватом частно-владельческих земель, а

всего человечества территориальности, то сложная концентрация, коалиционная, есть положительный фактор, именно положительное, настоящие очеловечивление территорий, распространенное, правда, лишь на территориалистов, и к тому, до жалкости еще урванное. Это коалиционное очеловечивление есть, в сущности, лишь такой же жалкий намек на будущее „космическое очеловечивление“, как современное буржуазно-синдикатное обобществление средств производства мало похоже на буржуазно-коммунистическое. Тут требуется великий революционный акт—включение в состав синдиката народов, коалиционных государств, и (еще больше: главным образом) угнетенных национальностей*). Угнетенные национальности должны забрать в свои руки (но не для себя, для диктатуры итерриториалиста, а для всех наций, и для бывших господствующих) не только внутри-государственное управление, но и то, что называется международной политикой, т. е. внешнее управление государством, так сказать, внешнее государство. Когда произойдет захват института синдиката или союза народов, тогда только пробьет час уничтожения частно-национальной собственности на территорию и утверждение космического порядка. В международные институты: почта, телеграф, железные дороги и т. п. будет тогда введен **международный язык**, в национальных же институтах останется **национальный язык** данной национальности, владельца этого института. Каждая нация, без всякого исключения (ибо не будет больше ни господствующих, ни угнетенных) будет конструироваться по персональному принципу, образовывать итерриториальный всемирный союз. Будет ли этот союз принудительным, государственным или конвенциональным или же вольно-анархическим—это решит каждая нация для себя по собственному желанию и усмотрению. С другой стороны, не подлежит сомнению, что, в конце концов, этот вопрос будет решен в пользу конвенциональности или вольно-анархичности, так как итерриториальная государственность есть абсурд. Также мы не менее уверены, что наряду, или быть может, немножко позже, с уничтожением внешнего государства, просто государства, и преобразованием его в вольный (вольный по существу) социотехникум, преобразуется и внешнее государство, так называемая коалиция или союз народов, т. е. территориалистов, иначе-государств, но которое должно называться государством государств,— в Космический Социотехникум, **социотехникум социотехникумов**.

И, по этой причине, идеал освобождения угнетенных национальностей и братского сожительства народов правильно нами назван „космизм“, ибо отбрасывая, как анархист, политизм, т. е. государствен-

гией колоссализацией“. См. наше сочинение „Социоматия и социотехника“. Космизм вовсе не обязательно должен осуществиться и посредством итерриториализации, как осуществление коммунизма вовсе не связано с ростом пролетаризации и люмпен-пролетаризации, а обуславливается ростом социотехники.

*) В этом отношении важным актом является указание Декрета о мире о необходимости пригласить представителей угнетенных национальностей на мирную конференцию.

прос всѣх угнетенных національностей, т. е. итерриториальный вопрос (ошибочно называемый „національный“), который, на наш взгляд, может быть окончательно и навсегда и для всѣх сразу разрѣшен лишь путем очеловѣчествленія территорій; да к тому, увеличивая на время количество мелких собственников, мелких территориалистов, он создает для многих слабых умов иллюзію возможности рѣшенія итерриториальнаго вопроса, вопроса всѣх угнетенных національностей, путем территориализаціи, путем превращенія всѣх итерриториалистов в мелких территориалистов, т. е. путем созданія національных берлог, называемых ими національными государствами... Для болѣе глубокаго вдумчиваго пониманія однако ясно, что эти явленія исключительныя и при том лишь временнаго переходнаго характера: война без сомнѣнія скоро замѣнится **синдикатом-трестом** территориалистов, территориалистическими (ошибочно или, самое меньшее, вульгарно называемыми международными) трибуналами, при которых такой скачек из итерриториальности в территориалистичность, из угнетенности в освобожденіе, каковой сдѣлала Польша, станет абсолютно невозможным. Будущій трест-синдикат, т. е. мирный раздѣл пограничных маленьких національностей и государств между собою, т. е. между крупными территориалистами, уж ясно вырисовывается даже из самых ситуаций и группировок воюющих сторон. Ясно до очевидности, что современная война уж есть не обыкновенная война, а **синдикатная**, точнѣе, коалиціонная война, т. е. полусиндикатной, и уподобается потому лишь конкуренціи двух крупных трестов. Это уж, во всяком случаѣ, не единоборство старой войны. Полигологія (наука о политикѣ), наука, в вѣдѣніи которой и лежит этот вопрос, вопрос войны, который нѣкоторые, ошибочно, благодаря провозглашенной гегемоніи экономики, переносят в область экономологіи или политической экономіи, — нас и учит, что политическая свободная конкуренція народов и вытекающіе из нея кризисы, называемые войнами, чѣм дальше, тѣм болѣе ограничиваются выступающими на сцену союзами, соглашениями, коалиціями, так что в общем проявляется тенденція, подготавливающая возможность ликвидаціи современнаго территориалистическаго національно-политическаго строя и перехода его к другой высшей формѣ, к так называемому нами космическому строю, тенденція, которую обозначаем термином „концентрація территорій“, выражающаяся в ростѣ государства, с одной сторны, что называется нами **простой концентраціей**, и в коалиціонности между государствами, с другой сторны, что называется нами **сложной концентраціей** *).

И если простая концентрація есть отрицательный фактор, так сказать, отрицательное очеловѣчествленіе территорій, т. е. лишеніе

*) Считаем нужным замѣтить что ученіе о концентраціи территорій является у нас анахронизмом, лишь марксистским приѣмом, т. е. лишь приѣмом агитаціи против марксизма въ духѣ самого марксизма; с точки зрѣнія же чистой соціотехники оно лишнее, и вообще пахнет соціоматіей, особым ея видом, называемым нами „ма-

общества. Но женщина никак не может мириться и с позором домашнего хозяйства, существованіем особаго низшаго женскаго труда, предназначеннаго как бы лишь для униженія женщины. „Долой домашнее хозяйство!“ или болѣе смягченная формула (для любителей и цѣнителей домашнего, индивидуальнаго хозяйства): „равное участіе обоих полов, в домашнем хозяйствѣ“—раньше или позже станет божественным кличем женскаго движенія.

IV.

Педизм или освобожденіе ребенка и молодежи.

Четвертый идеал—это идеал молодежи. Будучи, в сущности, единым и цѣльным, он, однако, имѣет двѣ стороны, два проявленія. В своем отрицательном проявленіи мы его называем аморфизмом, означающим отрицаніе, непризнаніе за старым поколѣніем права формировать, образовать душу, дух молодежи и дѣтства по своему старческому образу и подобию, по заготовленному им шаблону. Аморфизм провозглашает право молодежи на самомысліе, на самобытность, на самоопредѣленіе, на самовыявленіе. Аморфизм провозглашает неприкосновенность коллективной личности молодежи, неприкосновенность міровоззрѣнія молодежи. Аморфизм видит в образованіи, в морфизмѣ или формизмѣ современнаго воспитанія, т. е. в отдѣлкѣ и отчеканкѣ психики молодежи, орудіе порабощенія молодежи, усматривая в нем, в современном научном образованіи, явную тенденцію к обезвреживанію опаснаго соревнованія молодого поколѣнія путем консервировки, т. е. путем духовнаго (психологическаго) старенія, дѣлая его, таким образом, безопасным в жизненной борьбѣ своей со старым поколѣніем. Страх пред тѣм, чтоб молодежь не пришла и постучалась в дверь... есть главный стимул современнаго образованія. И вправду оно достигает своей цѣли: молодежь не стучится в дверь культуры, ибо рука у нея трясется... она сѣда сердцем и умом. Эта сѣдина духа, это психологическое стареніе и есть главная цѣль современнаго образованія. Благодаря ему молодежь не приходит, не выходит в жизнь властелином, творя новыя формы ея, как должна была бы по природѣ своей, а рабом, поклоняясь старым кумирам, старым шаблонам.

Этот формизм, это современное образованіе есть, таким образом, гибель молодежи, гибель духовная, обезличиваніе, десиндивидуализация, и гибель матеріальная, ибо она означает и истребленіе молодежи во всѣх областях жизни, неумѣніе выдержать конкуренцію стараго поколѣнія, властно отстранив его. Но этот формизм приносит собою не только гибель молодежи, но и гибель цивилизаціи. Это систематическое стареніе (консервировка) молодежи через ряд вѣков неизбѣжно приводит к консерваціи общества вообще, к застою культуры, к китай-

ность, от слова: „космополитизм“, получается и остается один: „космизм.“

III.

Геніантропизм или освобождение и очеловѣчение женщины.

Третій идеал, идеал женства, мы называем геніантропизмом. Он означает **очеловѣчение** женщины, упразднение семейнаго воспитанія и домашняго хозяйства или, по крайней мѣрѣ, одинаковое участіе в них обоих полов; освобождение женщины от насилія и угнетенія мужчин; полное уничтоженіе современнаго андріархата (господства мужа в семьѣ) и андріократіи (господства мужчины в жизни). Женщина в современном обществѣ не есть **человѣкъ**, а рабыня-кухарка и **самна**, т. е. и эксплуатируема, как работница в семьѣ и эксплуатируема, как предмет потребленія, а именно полового потребленія. В низших слоях она подвержена двойной эксплуатаціи, но зато не такой интенсивной и специализированной, как в высших слоях, гдѣ женщина ни дать ни взять, а чистый предмет полового потребленія, приобретаемый по всѣм правилам купли-продажи. К этой индивидуальной точкѣ зрѣнія: женщина—**предмет потребленія**... слѣдует прибавить и обще-государственный взгляд: женщина—**орудіе производства**, производства дѣтей, рабтников, а главным образом, солдат.

Объим этим точкам зрѣнія, и потребителю-обывателю и, организатору живого производства, государству, и страшна поэтому мысль **об очеловѣченіи** женщины. Предмет потребленія бунтуется...—негодует обыватель—меню должен быть покорным, тиховравным, женственным.

Кого пошлем на убой-разбой—негодует государство,—того и гляди, пушечнаго мяса не хватит.

Но женщинѣ не до перваго и не до втораго. Она жаждет раскрѣпощенія. Ей нѣтъ дѣла до вербовки солдат. Ей нѣтъ дѣла до извращенных утонченностей вкуса мужчин. Она не желает больше униженія и позора. Она желает быть равноправным человѣком. Она знает, что ее довело до вымиранія, вырожденія и извращенія мужчинское владѣніе над нею в цѣлях двойной эксплуатаціи, хозяйственной и половой. Она стремится потому к фактическому уравниенію в своих правах с мужчиной, которое может быть достигнуто ею лишь путем кореннаго переустройства семьи и сверженіем с себя ига домашняго воспитанія и домашняго хозяйства. Что обуза дошкольнаго воспитанія женщинѣ не под силу и не по плечу, что она должна стать дѣлом специалиста и выйти из того жалкаго положенія, в котором в первобытном и полудивилизованном обществѣ нѣкогда находилось и то воспитаніе, которое сейчас всецѣло исключено из семьи и передано в руки школы,—эта мысль становится все большим достояніем культурнаго.

Адаптина это школа Приспособленія к жизни. Репродуктина это Школа Воспроизведенія жизни. Воспроизводя жизнь, и практически приспособляя к ней, репродуктина сулит молодежи и человечеству не только свободу, но и хлѣб. Сажая Древо Жизни рядом с Древом Творчества, она будет Никогда-не-Потерянным Раем для молодежи. Она—антипод, діаметральная противоположность современной школы, которая является не только рабской, но и безжизненной, которая не только обезличивает, обезволивает и обезмолаживает молодежь, но и обезжизнивает ее, отрывая ее от жизни, от всего практическаго, давая не истинных знаній, практических, а лишь ничтожную тѣнь их, какія то жалкія абстракціи, и присоединяя, таким образом, к своему преступленію еще и обман. Старая школа есть школа убиванія тѣла и духа молодежи, но она и школа грандіознаго обмана: ея знанія суть лжезнанія, но ея угашеніе духа истинно, ея духовная смертононость аксіомна.

Задача Молодежи бороться с этой старой школой на жизнь и на смерть. Это школу нужно вырвать с корнем, с ядовитым корнем рабскаго образованія, злодѣйскаго душековеркательства и душегубства. Ее нужно вырвать так, чтоб ея мѣста не узнать!

А вы, реформаторы школы, не обращайтесь к одному добросердечію маменек и доброжелательству учителей, а к истинному носителю педагогическаго идеала, к истинному призванцу реформы школы, к молодежи.

Наивны вы, реформаторы школы, вы педагогическіе утописты!

Как утописты соціальные, т. е. экономическіе, в свое время не уразумѣвшіе обратиться своей реформаторской проповѣдью к носителю экономическаго идеала, к рабочему классу,—вы носитесь с вашими прекрасными педагогическими идеалами в воздушном пространствѣ, не имѣя твердой политической почвы под ногами. Но твердую почву может вам дать Молодежь. Она будет бороться за свои интересы, за свое освобожденіе.

Вы проповѣдуете защиту интересов Молодежи и Дѣтства. Но самая лучшая защита это самозащита.

Идите въ Молодежь!

Революціонизируйте ее педагогически, просвѣщайте ее педагогически, *дѣлайте ее педагогически сознательной.*

Несите им ваши педагогическія знанія, таланты, труды и ваше самоотверженіе, и ваши педагогическіе идеалы обрѣтут плоть и кровь политическаго движенія. Бросьте нянчиться с одними маменьками и папеньками—идите в Молодежь!

Освобожденіе Молодежи—должно быть дѣлом самой молодежи!

щинѣ, которая является лишь бы этнопсихопатологическим*) не минуемым слѣдствіемъ этого многовѣкового примѣненія оstarительнаго метода, и которая никогда не наступила бы, если молодежи была бы предоставлена самой-себѣ, естественному своему развитію, если бы не былъ нарушенъ естественный процессъ психологическаго омолаживанія общества, благодаря которому с каждымъ біологическимъ обновленіемъ совпало бы и психологическое, т. е. каждая смѣна поколѣній естественно влекла бы за собою и смѣну культур.

С осуществленіемъ же аморфизма, с предоставленіемъ молодежи ея неотъемлемаго права на духовное самоопредѣленіе, на выявленіе своей коллективной и творческой личности, творческой уж по одному отсутствію у нея шаблоновъ, старопереживаній, апперцептивныхъ массъ, элементовъ естественнаго консерватизма, консерватизма старости,—мы, слѣдовательно, обезпечиваемъ неослабность прогресса, культуры, творчества. И этимъ послѣднимъ аморфизмъ уж переходитъ изъ отрицательнаго въ положительное. Тутъ предъ нашимъ взоромъ во всемъ своемъ величій, во всей своей всесолнечности, разгорается величайшій изъ идеаловъ человѣчества, идеалъ Вѣчнаго Творчества, идеалъ культуры безъ застоя, идеалъ безконечнаго развитія, идеалъ одного стремленія впередъ.

Аморфизмъ, это скромное на видъ стремленіе къ избавленію молодого поколѣнія изъ подъ ига современнаго рабскаго образованія и рабской школы, есть такимъ образомъ, глубже вникая, не только идеалъ молодежи, но и идеалъ всего мыслящаго, всего творящаго человѣчества—идеалъ Вѣчнаго Творчества.

Другая положительная сторона аморфизма, т. е. необразованія, есть адаптивизмъ или репродуктивизмъ, т. е. практичность, приспособительность или воспроизводительность воспитанія. Ужъ однимъ отрицаніемъ отвлеченнаго современнаго наукообразованія, этого душековеркательства, этой школьной психофабрикаціи, самимъ собою напрашивается установленіе новаго вида воспитанія, практическаго, трудового. на нашѣмъ языкѣ: пантехникалистическаго, т. е. воспитаніе, доставляющее воспитаннику всю совокупность дѣйствій, приѣмовъ, навыков, практическихъ искусствъ, ремеселъ, сноровокъ, организованныхъ привычекъ, всякаго рода умѣній, необходимыхъ въ практической жизни, словомъ, всю практическую культуру. Школу, дающую такое воспитаніе, занимающуюся, слѣдовательно, не образованіемъ, т. е. бѣлоручествомъ, жалкимъ интеллигентствованіемъ и преступнымъ обезличиваніемъ молодежи (генерационной десиндивидуализаціей), а воспитаніемъ, настоящимъ воспитаніемъ, трудовымъ, точнѣе, пантехникалистическимъ, т. е. всепрактическимъ, всецѣлостнымъ, и реализующую это воспитаніе, опять таки не книжно-теоретически, а практически, приспособительно—такую школу называемъ Адаптиной или Репродуктиной.

*) „Этнопсихопатологическій“ означаетъ относящійся къ болѣзни души или духа народовъ.

Далѣе, государство есть не только фактор десиндивидуализаціи, но и деморализаціи. Государство не только угнетает личность, оно обрушивается, ложится всей тяжестью своего подавленія, заглушенія именно на нравственную личность. Для нравственной личности государство есть и очевидная лишняя обуза, и дѣлом дьявола, оно олицетворяет собою, одно стремленіе совратить нравственного чловѣка с пути морали, долга на путь грѣха, уступничества, угодничества безнравственному обществу, или самое лучшее на путь постыдных сдѣлок с ним. Для нравственной личности государство представляет собою дилемму вредности: если оно заставляет дѣлать то, что нравственно, то оно вредно своей лишностью, так как насиліе не **скрѣпляетъ признанія**, не содѣйствует пробужденію чувства долга, а наоборот, вызывая естественное возмущеніе, оно его **затемняет**; если же государство заставляет дѣлать то, что безнравственно, даже то, что безнравственно лишь для даннаго лица, то оно безусловно вредно, ибо оно безнравственно. Уж не говоря о том случаѣ, когда оно пытается насиліем заставить участвовать в организованном убійствѣ, называемом войной, чловѣка, стоящаго на точкѣ зрѣнія любви и „не убій“, тут преступность его очевидна для всякаго, кто только не нравственно слѣп, не совсѣм нравственно изуродован современным государством. Но даже в случаѣ, когда государство сталкивается с болѣе низким уровнем морали, чѣм тот, на котором оно стоит, то опять таки оно безусловно вредно тѣм, что оно не содѣйствует **поднятію** этой морали, а, напротив, обрушиваясь карами на этого преступника, который никак себя преступником **не признаетъ**, оно вызывает озлобленіе, и вмѣсто необходимой морализаціи достигает деморализаціи, огрубѣнія и одичанія данной личности; вмѣсто просвѣтленія-проясненія и пробужденія к новой для нея болѣе высокой морали, государство толкает эту личность в бездну антисоціальности, воспитывая в ней закоренѣлаго врага обществу, не только государства. Впрочем, возможен и третій случай, когда личность сознает свою вину, свой проступок, но не в силах была воздержаться от него. Нужна ли кара тогда? Безусловно нѣтъ. Для нас въ том случаѣ вполне достаточно сознаніе вины. Тут всякій суд лишен, ибо он лишь мѣшает самосуду личности над собою: личность тогда не подвергнется укорам своей совѣсти, а занята мыслью избѣганія наказанія, инстинкт самосохраненія заглушает голос совѣсти.

Такъ государство затемняет истинную оцѣнку поступков, так как нѣтъ больше ни добродѣтели, ни грѣха, а—преступленіе, то есть то, за что государство наказываетъ. При таком положеніи вещей неудивительно, что нерѣдко, если не в большинствѣ случаев, добродѣтель государства есть смертный грѣх, с точки зрѣнія морали, и то, что оно называет преступленіем, есть величайшая добродѣтель. Так государство вознаграждает и надѣляет почестями, крестами и т. п. разбойников, убивающих своих братьев, нерѣдко братьев по угнетенности, по нуждѣ и горю, и карает людей, отказывающихся от воинской

V.

Анархизм или освобождение личности.

1.

Безвластие.

Пятый идеал—Анархизм—это идеал развитой личности. Развитая личность тяготеет к принудительным нормам, между ней и государством царит непримиримая вражда, кипит борьба. Развитая личность стремится к автономности, к суверенности, между тем как государство стремится культурно ступшевывать ее, низводя ее к стадности, политически-юридически—закабалить, поработить, опутывая ее сетью тягостных, давящих законов. Государство это десиндивидуализация, и потому государство есть варварство, и в некультурном варварском обществе господствует один принцип государственности. Но с развитием культуры это торжество, это абсолютное поработение личности государством, идет на смарку. Личность пробуждается из насильственной государственной спячки и заявляет о своих правах. Тогда начинается планомерная борьба за освобождение личности, последняя добывается некоторых минимальных прав, некоторых неприкосновенностей. Все это совершается с такой неотразимостью, с одной стороны, и полусознательностью, с другой стороны, что никому в голову не приходит, что тут дело идет об анархии, об уничтожении власти над личностью, о смягчении одного из видов угнетения современного общества. А между тем это и есть тот парламентарный анархизм, за который борется либерализм.

На наш взгляд, весь прогресс культуры состоит, главным образом, в этом росте индивидуализма, в борьбе личности за освобождение из под гнета государства. История цивилизации это борьба классов, полов, групп (между группой территориалистов и интертерриториалистов), поколений и—что влечает все—борьба личности с государством. Пробуждение и развитие личности—вот главная задача культуры. И тут именно культура сталкивается с самым страшным его врагом, с государством. Ясно, что государство это некультурность, государство это варварство.

Если проанализировать преступную деятельность государства, то увидим, что она сводится к трем ступеням угнетения: 1) воспрепятствование пробуждению личности; 2) угнетение таковой, когда последняя, наперекор государственной десиндивидуализации все-таки, появляется; 3) сведения проявленной личности на нет, или собственно десиндивидуализация (обезличивание). И знаменательно, что этой преступностью характеризуется и преступно-десиндивидуализаторская, угнетательская роль государства по отношению к коллективной личности угнетенной национальности, где последняя ступень, апогей угнетения, называется „ассимиляцией“, а также деятельность школы по отношению к молодежи, где этот верх угнетения, доведения до полного обезличивания, называется „рецептивностью молодой души“...

коммуны, ровно также коммуна мыслима без анархii, ибо можно устроить государственныя коммуны. Добровольная совмѣстная работа—вот анархiя и коммуна вмѣстѣ. Но эта не единица, а 2. И, по нашему, как одинъ анархизм не достаточен, и не один коммунизм, так и оба вмѣстѣ недостаточны, ибо нужно не 2, а 5, нужен еще и гинеантропизм, (освобожденiе женщины), нужен еще и космизм (освобожденiе угнетенныхъ Национальностей), нужен еще и педизм (освобожденiе Молодежи), словом, нужно пять идеалов пананархизма.

Мы говорим о мыслимости анархii без коммуны и коммуны без анархii, но все это лишь схематически, фактически же, предполагаем, и социотехнически, одна невозможна и не будет без другой, и не только без другой, но и, по нашему, без всѣхъ четырехъ другихъ; одинъ идеал не осуществится успѣшно безъ четырехъ другихъ. И потому анархическое (вольное), коммунальное, гинеантропическое, космическое, педическое общество можно называть, вообще, „Коммуна“. Мы также иногда употребляемъ это слово, хотя оно совершенно непригодно для насъ. Но какъ анархисты-коммунисты вкладываютъ въ коммуны два понятiя (и анархii и коммуны), такъ мы, пананархисты, вкладываемъ въ нее 5 понятiй. Для отгѣненiя и различенiя мы бы могли лишь переименовать ее, аналогично слову: „пананархизму“, в „панкоммуну“. (См. нашъ брош. „Долой Анархiю“!)

Но самый удобный терминъ и для обозначенiя этого идеала и обозначенiя нашей пананархической Коммуны остается Пананархiя-Всеанархiя. Она обнимаетъ всѣ наши идеалы, стремленiя и философскiе взгляды, словом, „Пананархiя“, включаетъ въ себя освобожденiе и отъ пяти угнетенiй и отъ двухъ обмановъ: отъ религii и науки. Пананархiя это общество вольное и духовно.

Но нѣкоторые анархисты понимаютъ слово анархизм не въ собственномъ смыслѣ, не какъ одно отрицанiе принужденiя и государства, а болѣе широко, какъ отрицанiе всего зла, что въ нашемъ обществѣ. Въ этомъ своемъ значенiи анархизмъ совпадаетъ съ нашимъ пананархизмомъ, съ его пятью идеалами. Но во избѣжанiе недоразумѣнiй и обвиненiя въ гегемонii личности (при анархизмѣ) или гегемонii рабочаго и личности (при анархизмѣ-коммунизмѣ) не мѣшало бы быть болѣе точнымъ, называя себя „пананархистами“. Съ другой стороны, намъ было сдѣлано, со стороны товарищей анархистовъ, справедливое замѣчанiе, что въ сущности, анархистъ не можетъ не согласиться съ нами, такъ какъ анархизмъ всегда стоялъ за освобожденiе всѣхъ угнетенныхъ и точка зрѣнiя Союза Пяти Угнетенныхъ для него не только прiемлема, но и обязательна, а если имъ чего то недоставало, то это лишь нашъ всепроникающiй и всеохватывающiй анализъ. Такъ, по ихъ словамъ, анархизм-коммунизмъ вовсе не намѣренъ замыкаться въ тѣсныхъ рамкахъ двухъ Угнетенныхъ, пренебрегая всѣми другими Угнетенными. Его дуализмъ есть лишь результатъ незнанiя, нехватанiя силы анализа, но нисколько

повинности, т. е. от грабежа и убійства. Государство, слѣдовательно или идет против совѣсти, вырывая ее, или же яко-бы замѣняя ее дѣлает ее лишней. В результатѣ получается страшная безнравственность общества, страшная безсовѣстность, так как, в самом лучшем и в послѣднем случаѣ, совѣсть **вырождается от неупражнения**, от замѣны ее суррогатами, вредѣ тюрем и проч.

Проанализируя деморализаторскую дѣятельность государства, мы также найдем, что она, аналогично десиндивидуализации, сводится к трем моментам: 1) непробужденіе совѣсти 2) заглушеніе подавленіе, 3) сведеніе на нѣтъ.

К чему же стремится анархизм?

Отвѣтъ ясен: к индивидуализации и морализации, проще, к Свободе и Любви.

2.

Об анархизмѣ-коммунизмѣ.

Каков же наш анархизм? Отвѣтъ ясен: анархизм-индивидуализм и анархизм-морализм. По нашему не существует другого анархизма, кромѣ индивидуалистическаго. Всѣ эти слова коммунистическій анархизмъ и т. д., есть теоретическое заблужденіе, ибо анархизм сам по себѣ есть лишь защита личности, а это индивидуализм. Тѣм не менѣе практически-фактически анархизм-коммунизм правильнѣе анархизма-индивидуализма, т. е. когда послѣдній отрекается от коммунизма. Анархизм въ тѣсном смыслѣ есть лишь рѣшеніе вопроса личности, и слѣдовательно анархизм-индивидуализм, но для рѣшенія рабочаго вопроса, точнѣе, вопроса бѣдных, нужно еще и быть коммунистом. Но оттого, что я в анархизму, который, по самой сущности своей, есть анархизм-индивидуализм, прибавляю коммунизм, от этого анархизм мой не становится коммунистическим, не мѣняет своей внутренней индивидуалистической природы, как напр. оттого, что я и скрипач и маляр, мое скрипачество не становится малярским: я только утверждаю, что я и скрипач и маляр, но мое скрипачество является лишь скрипаческим. Коммунистическій анархизм, таким образом, есть такой же абсурд как малярскій скрипач. Нѣтъ, мы анархисты, т. е. анархисты-индивидуалисты в области государства, в управительной дѣятельности, так как естественный и разумный порядок это тот, при котором личность управляется самим собою, но мы к тому же еще и коммунисты, но не в государствѣ, т. е. не в управительной дѣятельности, а в хозяйственной дѣятельности. Управлять должен каждый самим собою, каждый, каждая личность. должна быть на правах независимаго государства, но работать должны мы всѣ вмѣстѣ, кооперативно-коммунально, не индивидуально. Как анархизм-индивидуализм только не исключает, не противорѣчит коммунизму, но не есть коммунизм, так коммунизм не исключает, не противорѣчит анархизму, но не есть анархизм. Анархія, т. е. вольное общество мыслимо и без

Об анархизмъ-индивидуализмъ.

Анархизм-индивидуализмъ есть тавтологія, что то вродѣ выраженія: „огненный огонь“ или „водянистая вода“, постольку, поскольку под словом „индивидуализмъ“ разумѣется то же освобожденіе личности от порабощенія государством, которое обозначает собою уж одно слово „анархизмъ“. Если же под „индивидуализмъ“ подразумѣвать духовное раскрѣпощеніе личности, то спрашивается „чѣмъ“? и „гдѣ“?, на что от анархизма-индивидуализма ничего конкретнаго, кромѣ неопредѣленнаго либеральничанія в области духа, не услышите. Но пананархизмъ, стремящійся къ социотехникѣ, еще на пути къ ней, любит конкретизацію, ибо туманности, смутности, неопредѣленные влеченія, мистицизмы, инстинктивизмы, метафизицизмы, пессимизмы, оккультизмы, ницшеанскія или шопенгауэровскія выходки и т. п., не могут стать предметом ясной социотехнической планизаціи. Во что может вылиться этот уродливый патологическій анархо-шопенгауэризмъ? только в один сплошной „террор ради террора“, в садистическое влеченіе къ тому, что называем отрицательной и разрушительной біотехникой или абіотехникой, иначе некротехникой или танатотехникой. Но смерти нечего содѣйствовать, она все равно косит и абіотехникой эпидеміи и асоциотехникой войны... Что этот анархизм-индивидуализмъ аномален, что его нужно лѣчить, что он не сын „вольныхъ степеней духа“, а урод болѣзненнаго мрака одиночек и каторг, сын цѣпей, не умѣющий освободить міръ, а разбить... это ясно. Менѣе безобидно, но болѣе противно, это анархо-ницшеанское кривляніе, индивидуальничаніе, этот крикливый индивидуализмъ, неистово бьющій себя в перси и съ пѣной во рту провозглашающій опредѣленіе себя в сверх-индивидуумъ. Он противен и ничтожен, ибо за ним кроется пустота и индивидуальное слабосиліе, ибо истинный индивидуализмъ, не индивидуальничает, как истинный оригиналъ не оригинальничает... И сказанное нами относится не только къ ученикам, ницшеанцам и шгирнеровцам, а отчасти и къ самим учителям, в особенности къ Ницше. Тѣмъ не менѣе за Ницше, и даже ницшеанством, нельзя не признать заслугу нѣкоторой подготовки ума, еще больше, настроенія и сердца къ Анархіи Духа пананархизма: сквозь его туман пренебреженія наукой, иному может взойти солнце пантехники. И нѣтъ сомнѣнія, что Ницше и Шопенгауэр симптоматичны для европейско-нѣмецкой культуры, которая может дать нам освобожденіе лишь в смерти тѣла и духа: в самоубійствѣ или умопомѣшательствѣ. Оба, представляют собою неудачныя попытки высвобожденія себя из цѣпей европейскаго духовнаго рабства, оба жертвы. У обоих не хватало сил разбить цѣпи, и стать свободными, им пришлось рвать их на себѣ и вмѣстѣ съ собою... Они остались калѣвками. Вот почему къ ним тяготѣют и жертвы-калѣки тюрем: жертвы социальнаго рабства чуяли в них жертв духовнаго рабства. Соціальным движеніемъ эта надломленность или неуравновѣшен-

ко не результат узости или пренебреженія интересами других Угнетенных. С момента же выясненія и ознакомленія с пананархизмом, нашей платформой, платформой Союза Пяти Угнетенных с его пятью идеалами, они, анархисты-коммунисты, всецѣло присоединяются к ней. Наша платформа, как наиболѣе широкая из всѣхъ существующихъ союзовъ, ассоціацій, федерацій и братствъ, можетъ служить объединительнымъ идейнымъ базисомъ всѣмъ анархистическимъ толкамъ.

Таково мнѣніе всѣхъ нашихъ смышленнхъ „противниковъ“ анархистовъ; кстати, пока намъ еще не встрѣчалось видѣть сознательнаго анархиста, отказывающагося отъ нашей платформы, отъ идеологіи всѣхъ пяти Угнетенныхъ, называемой нами пананархизмомъ.

Но хуже обстоитъ дѣло съ анархистами-коммунистами въ вопросѣ наукъ, въ вопросѣ уничтоженія духовнаго рабства и обмана и провозглашенія Анархіи Духа. Тутъ эти лжеанархисты, яко-бы неустрашимые и непримиримые, оказываются сплошь да рядомъ мелкими ничтожными трусами духа, такъ же рабобѣдно, и порою еще болѣе, пресмыкающимися предъ ихъ величествами Ньютонами, Дарвиными, какъ любящимъ буржуазный интеллигентикъ. Тутъ невѣжество сильно даетъ себя чувствовать, ибо невѣжество можетъ быть благодатью для свободнаго духа, но несчастіемъ и крестомъ для рабскаго духа.

Но остановиться на этомъ здѣсь не входитъ въ планъ статьи о пяти идеалахъ. Анархіи Духа, впрочемъ, мы еще посвятимъ особую работу, хотя безъ полемики, ибо если полемизировать, то приходится намъ задѣть всѣхъ „авторитетовъ“ анархизма, что очень опасно: такъ называемый анархизмъ не менѣе, чѣмъ социализмъ, цѣпляется за мертвые или одряблѣвшіе авторитеты, и Бакунинъ, напр., угрожаетъ стать какимъ-то Кантомъ для плоскихъ анархическихъ умовъ, или Карломъ Марксомъ. А между тѣмъ и Бакунинъ, ни кто-нибудь другой изъ анархистовъ, къ сожалѣнію, не были не только не анархистами духа, но даже не рядовыми революціонерами духа, кромѣ одного Ницше. А если такъ, то что ужъ можно требовать отъ пигмеевъ анархизма-коммунизма, у того теченія, которое за послѣднее время все болѣе чахнетъ и хирѣетъ, вырождаясь, какъ его творецъ. Анархизм-коммунизмъ поэтому все болѣе отходитъ отъ анархизма, становясь чуть ли не бѣлогвардейскимъ у своего родителя, и жалкимъ социалистическимъ прихвостнемъ, чѣмъ то вродѣ ничтожнаго придатка къ баснословно невѣжественной бухаринской программѣ коммунистовъ, гдѣ Союзъ Пяти Угнетенныхъ третируется какъ союзъ не пяти грандіозныхъ коллективовъ, а—пяти человѣкъ или совсѣмъ двухъ, по бухаринскому выраженію—союзъ двухъ угнетенныхъ. Право, тутъ бухаринскій союзъ двухъ: союзъ невѣжества и клеветы. Къ этому союзу двухъ, но не угнетенныхъ, а угнетателей, къ бухаринскому союзу невѣжества и клеветы, союзу Ленина и Бухарина, союзу Урицкаго и Джерджинскаго, къ этому союзу, который ставилъ себѣ и двѣ задачи: посрамленіе или, вѣрнѣе, выявленіе истиннаго лица социализма и надруганіе надъ коммунизмомъ—примыкаютъ въ послѣднее время „лидеры“ анархизма-коммунизма.

О либеральном анархизмѣ.

Анархизм, и в узком смыслѣ (не как пананархизм, а как одно безвластіе), является одним из самых свѣтлѣйших идеалов человѣчества, имѣющим цѣлью, не только освобожденіе человѣка, но и возвышеніе и облагораживаніе его.

Но что нам сказать, послѣ этого, об отношеніи общества к анархизму?

Что нам сказать про ту дикую безсовѣстную травлю, которая ведется против этого идеала, или что еще хуже, о том гнусном безчеловѣчном преслѣдованіи, практикуемом в большинствѣ варварски-цивилизованных стран и толкающем лучшія любвеобильныя, изстрадавшіяся и истосковавшіяся по свѣтлому будущему, человѣческія души на путь антисоціальности, на борьбу уж не одним государством, как нежелательной и вредной формой общественности, а с обществом самим.

В этой гнусной травлѣ анархизма соединились мѣщанское ту-поуміе, темный предрасудок, с злонамѣренной ложью, тут рука об руку дѣйствует невѣжество с провокаціей, провокаціей, организуемой государством, тайными его агентами, для оправданія своего существованія, своего мерзкаго насилія, с цѣлью полученія нужнаго им права на репрессіи.

Этот кровавожадный звѣрь, называемый государством, организующій войны, нерѣдко **провоцирует** и ненужныя неудачныя гражданскія войны. Нерѣдко, эти внезапныя вспышки и подавленья выступленій суть дѣло рук этой провокаторской руки. Государству нужны жертвы... Ему нужна кровь...

Но пусть общество облагоразумится и поймет, что, в сущности, к идеалу анархизма стремится все общество, что анархизм есть тот же либерализм, за который так цѣпко держится буржуазное общество, но он лишь болѣе **искренен**., болѣе краен и доведен до необходимых логических предѣлов, он только не лжив, как первый. Анархизм есть лишь истинная, искренняя полная неурѣзанная **свобода**, как коммунизм истинное искреннее полное, неурѣзанное равенство, и космизм истинное искреннее братство народов. А вѣдь эти то слова написаны и на знамени буржуазіи: Равенство, братство и свобода.

Кстати, посмотрим, что такое свобода слова, свобода печати и свобода собраній? Развѣ это не означает анархію слова, анархію печати и анархію собраній?

Далѣе, новообъявленная в Россіи отмѣна смертной казни, что она такое, если не **анархія жизни**. Пусть глупыя газетенки возмущаются разными отложеніями, республиками, сколько глупой бездушной душѣ их угодно, но для нас все-таки ясно, что самую страшную из независимых, отколовшихся от государства республик, об'явило само вре-

ность духа стать не могла и потому осталась удѣлом лишь фигля и „рисовальщиков“ духа.

С точки зрѣнія же объективной вся эта категория, хотя вели людей, но все-же неудачников духа, в которую входят и Руссо, Шопенгауэр, и Штирнер, и Ницше, и Толстой, представляют со врачей и себяврачевателей аллопатистов, лечащих посред контрастов, возвращающихся к тому ненормальному состоянію, бѣг и спасеніе из котораго создали нам современную аномалію. Из о обратно в полымя. (Таким неудачником-политиканом является Мар Ленин, вернувшійся к до-демократизму, к диктатурѣ).

Соціальный индивидуализм Штирнера это возврат к первобному до-обществу, его эгоизм—возрат к первобытной до-морали; Ру и Толстой—это возврат к четверенькам культуры и морали. Духовн индивидуализм Ницше, его Анархія Духа—это возврат к до-нау к до-разуму, как и подсознательность Гартмана, Шопенгауэр-Гартман, это возврат к небытію, к до-рожденію.

Пананархизм разсматривает всѣ эти попытки, как дѣтскій леп как эголялію плаксиваго (у Шопенгауэра-Гартмана) или весел (у Ницше) ребенка Анархіи Духа, духовнаго освобожденія челоѣства, ребенка, который вырос, окрѣп и возмужал и заговорил о яс и опредѣленном отрицаніи науки и всей лживой цивилизаціи Анархіи Духа пананархизма.

Нѣтъ! не к смерти и агоніи, не к современной полу-жизни, а к пол жизни, к сверх-жизни—зовет пананархизм.

Но его зов не старья лживыя обѣщанія утопистов, маніак пророков и христов-мессіанистов.

Это не обѣщаніе-обѣтованія, а завоеваніе-самодаванія Пан техники.

Вѣчная жизнь, сверх-жизнь, в колоссальном анархическом об ствѣ, в сверх-обществѣ, в исполински-развитом хозяйствѣ, в свер городѣ (в Градѣ Воздуха), в наивысшей добродѣтели, в сверх-морал

Это вѣчное счастье, это Безцарствіе Безбожія выстроит Пант ника. Бѣя вѣрные помощники: аэротехника, соціотехника и біотехни Онѣ никогда не лгали, ибо онѣ никогда ничего не обѣщали.

У них нужно взять, отвоевать, вѣрнѣе, вмѣстѣ с ними нуж взять и отвоевать.

И потому пананархизм зовет к сверх-труду и сверх-борьбѣ,—не маразму и слабосилію индивидуальничанія, а к вольному сверх-спл ченію и сверх-организациі.

Пананархизму нужно не только потерять цѣпи, ему нужно заво вать весь мір, завоевать весь космос, завоевать всѣ солнечныя системы Пантехникой!

Ему нужна сверх-сила

обывательщину своей площадной бранью и выпадами против „анархін“, неистово выкрикивать: „анархія“! Мы вам ясно показали, вам буржуазным либералам или социалистическим либералам, что вы идете к нам, к анархии, к не-государству, а не мы к вам. Прогресс, культура, цивилизация на нашей стороне, а не на вашей, так чего же вы ругаетесь, смѣшные, вы, ограниченные люди!

Что за разница между нами и вами? Вы идете черепашими шагами эволюции, а мы молниебыстрыми шагами революции, вы идете естественным процессом, а мы социотехническим путем.

Ускорите же ваши либеральные шаги, господа буржуазные и социалистические либералы, и перестаньте огрызаться на нас. К чему оно вам, это огрызание. Оно ни к чему не поведет. Мы слишком удобны в нашей правоте, в святости нашего идеала, и мы твердо, неуклонно и быстро идем, нѣтъ! мчимся к нему. Мы к вам не пойдем и не можем пойти, ибо вы идете к нам, к нашему идеалу. Идите же быстрее. Ну, шибче. Живо, поворотись, либерализм! Ругайтесь и плюйте, сколько угодно, а суть дѣла от этого не мѣняется. Нам ясно до очевидности, и это ясно для каждого, кто только не ослѣп, что культура идет к анархии, к не-государству, к ослабленію и ограниченію и, слѣдовательно, уничтоженію власти. Уменьшеніе наказаній есть закон, закон цивилизации. Принудительность уменьшается, а когда она совершенно прекратится, право перейдет из **принудительной стадии в социотехническую**, а государство превратится в **Социотехникум**, в силу прогресса социотехники, в силу одной технизации—специализации государственного аппарата.

Идите же быстрее—и вся наша симпатія будет на вашей стороне. Мы будем вам сочувствовать и посылать горячій привѣтъ успѣха. Идите же неуклонно, твердо и смѣло, вы всѣ любители культуры, прогресса, свободы, идите в страну анархін, в страну вольности и свободы. Идите вы медленно грузно, если не умѣете шибче, но нам дайте круто повернуть к ней. Мы, невѣрящіе в ваше социальное божество, в кумир эволюции, в необходимость и обязательность естественнаго процесса, нам дайте дѣлать скачек из царства рабства в безцарствіе свободы, из современной мрачной тюрьмы-государства в лучезарную вольную Пананархию.

Не беспокойтесь за нас, мы себѣ шею не свернем—социальное творчество, социотехника (общестроительство) нас выручит.

5.

Настоящій анархизм: социотехнический.

И потому, первым долгом, мы требуем права на социотехнику, на устройство общество-строительных колоній, институтов, социотехникумов.

За это мы будем бороться, за это должны бороться всѣ жаждущіе освобожденія, всѣ, кто отрезвился от угара „научнаго социализма“.

менное правительство своим указом об отмѣнѣ смертной казни. Это объявлена и санкціонирована анархія жизни, республика жизни (всей Руси *). Самое драгоценное для нас это жизнь, а эта жизнь которая с варварских незапамятных доисторических времен всецѣ была в вѣдѣніи государства, распоряжавшагося ею как бездѣлушко вдруг исключена из вѣдѣнія государства, объявлена независимой республикой, вѣрнѣе анархіей. И недаром контр-революціонеры, жалующіе реставраціи, так тоскуют по смертной казни, по их словам: арміи не возстановится желѣзная дисциплина, пока не будет сызнова введена смертная казнь. Ясно, что эти господа генералы и реакціонные офицеры чувствуют, что отмѣной смертной казни наступил конец их господству, что этим нанесен самый страшнѣйшій удар государству, скажем больше, этим государство убито в корнѣ, ибо гдѣ отмѣнена смертная казнь, уж больше **настоящаго государства**, „рабскаго“ основного признака котораго есть распоряжаніе жизнью своих подчиненных, **не существует, а существует лишь жалкій остаток его: „ирѣпосническое“ государство**. Весьма возможно, что отмѣнившіе когда-то отмѣняющіе сейчас смертную казнь, не дали себѣ такого отчета, и всей вѣроятности, они и испугаются, когда услышат, что мы их объявляем **анархистами**, конечно, лишь либеральными, т. е. эволюціонными реформистскими анархистами, а не революціонно-соціотехническими

Что должен, далѣе, дѣлать этот либерализм, точнѣе, этот государственный либеральный анархизм?

Ясно, что его задача укрѣпленіе завоеванных свобод, охраненіе этих четырех анархій: анархіи жизни, слова, печати и собраний, и пріобщеніе к анархіи и вовлеченіе в анархію, в свободу остальных областей жизни, смягченіе тюремнаго режима, **уменьшеніе наказаній**, упраздненіе уголовного кодекса (низведеніе его на гражданскій) и т. д. Еще нѣсколько шагов и вы стоите на грани **полной анархіи**: как вы лишите государства права распоряжаться жизнью своих подчиненных, так вы лишите права распоряжаться свободой передвиженія личности. права запереть „свободнаго гражданина“ в тюрьму. Тогда уничтожится тюрьма и принудительный суд, и общество перестанет быть тюрьмой для всѣх его членов, т. е. перестанет быть государством, принудительным, а будет Вольным. Без этого всѣ громкія слова о свободѣ всѣ эти надписи на знаменах „Земля и Воля“ суть пустой звук, лицемеріе и обман. Какая же это воля, когда завтра вы можете очутиться в тюрьмѣ. Нѣтъ. Путь ясен—к анархіи! т. е. к свободѣ, къ вольности.

Довольно вам, господа обыватели, гуляющіе по Невскому Проспекту или засѣдающіе в Совѣтѣ Рабочих и Солдатских Депутатов, оплевывать великій идеал. Довольно и вам, вам соціалистическим обывательщинѣ, старающейся перещеголять буржуазнолиберальную

*) Находим нужным замѣтить, что все это было написано недолго послѣ февральской революціи.

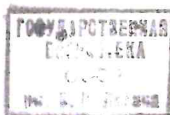
всѣ другіе идеалы, именно потому, что государство, главным образом, стоит поперек дороги соціотехники. Мы имѣем право (если не фактическую возможность) экспериментировать в области хозяйства, мы вправе устроить какую угодно фабрику, мы имѣем право экспериментировать в воспитаніи, т. е. устраивать какой нам угодно тип школы и даже Адаптину (приспособительную школу) и т. д., ибо мы, данная инициативная, вѣрнѣе, соціотехническая группа, можем выступить, хоть бы на время из даннаго хозяйства, из данной воспитательной среды и т. д., но не располагаем правом выступить хоть на минуту из под опеки государства. Очевидно, область государства есть самая отсталая из всѣх областей нашей соціальной жизни, и что нигдѣ нѣтъ такого произвола, такого глумленія над свободой, как в этой отрасли, отрасли управленія обществом. Хозяйство уже стоит под знаком буржуазной свободы, под знаком либерализма, свободной конкуренціи и свободного договора. Оттого, что обѣ стороны, предприниматели как и наемные, выступают как двѣ организованных силы, суть дѣла не мѣняется. Рабочій юридически, по крайней мѣрѣ, свободен, если не хочет, то он может не работать, его лишь толкает голод, нужда, т. е. он фактически не свободен. По отношенію к государству мы же стоим еще на той ступени варварства, на которой стоял древній міръ, именно на рабствѣ: тут не довольствуются фактической невозможностью существовать внѣ государства при данной государственной организаціи общества, т. е. вам не предоставляется право выступленія из государства, которым вы, все-равно, пользоваться фактически не можете, так как при данном злустройствѣ общества вам будет угрожать опасность, „опасность жизни и имущества“,—нѣтъ! вас прямо заставляют, приковывают к государству, вы узник государства! Таким юридическим узником хозяйственной формы человек был только в эпоху рабства.

Отсюда явствует, что существованію государства вовсе не угрожает это право выступленія, этим оно лишь перейдет в болѣе высокую форму, а именно из рабскаго государства в либеральное.

Промежуточной ступенію между так называемым государственным „рабством“ и государственным „либерализмом“ служит так называемое нами государственное „крѣпостничество“. Это полу-либеральное состояніе наступает с момента отміны смертной казни, с котораго государство уподобается крѣпостничеству тѣм, что оно подобно послѣднему распоряжается судьбою человека, не имѣя, однако, права распоряжаться его жизнью.

Уясняя и углубляя эту послѣднюю мысль, мы увидим, что эта либеральность, эта свобода выступленія, эта юридическая возможность без фактической, вполне допустима, возможна, желательна и цѣлесообразна для государства, и с точки зрѣнія самого государства, в интересах самих государственныхников (конечно либеральных).

Мы уж имѣли случай указать на аналогичность процессов развитія государства и хозяйства по отношенію к націоналполитикѣ, как

Мы идем обратно от научнаго социализма опять к утопизму, но не к старому утопизму, утопизму фантазій, романов, а к социотехническому, к производству социальных опытов, попыток. Но вѣрнѣе будетъ если скажемъ; мы вовсе не идемъ обратно, а вперед. Идемъ не обратно к утопизму, а к социотехнизму. Намъ одинаково нужно отмежевываться: какъ отъ научнаго социализма, такъ и отъ утопизма. Не теорія, а социотехника, и только социотехника, не естественные процессы, а искусственные опыты, испытаніе всякаго рода плановъ, проектов—вотъ наша задача, нашъ путь, путь реальнаго идеализма, социотехническаго идеализма, идеализма изобрѣтателей, а не мечтателей, не идеализма мечты и дѣйства. И пусть терпимъ крушеніе за крушеніемъ, это не должно насъ смущать, ибо всѣ великія изобрѣтенія не сразу удавались: желѣзная дорога не сразу налаживалась, свободное воздухоплаваніе и др. сихъ поръ еще не окончательно установлено. Побольше опытовъ, побольше попытокъ, и социотехникъ добьется своего, ибо техника творитъ чудеса, ибо она всесильна. Этотъ путь единственно вѣрный, единственно надежный, ибо другого пути нѣтъ. Старая вѣра въ состоятельность и достаточность одного „научнаго обоснованія“, доведенія до всемогущаго естественнѣйшаго естественнаго процесса, изсякла, и, намъ нужно сейчасъ доведеніе до практики, до дѣйствительности—до техники, в данномъ случаѣ, до социотехники. А право на социотехнику мы еще должны отвоевать, отвоевать отъ государства. У насъ одинъ путь спасенія, а этотъ путь загоразживаетъ сабля.

Итакъ первый шагъ къ анархизму это—право свободнаго устройства социальныхъ анархическихъ станцій, социальныхъ лабораторій, социотехникумовъ.

Но первое предварительное условіе успѣшнаго функціонированія этихъ социальныхъ станцій, институтовъ, лабораторій, это право выступленія личности и группы изъ государства, изъ подъ государственной опеки, по крайней мѣрѣ, въ цѣляхъ экспериментальнаго строительства будущаго общества—на ихъ порогѣ, на порогѣ этихъ институтовъ, колоній и т. п., должна окончиться власть государства, ибо иначе они рискуютъ попасть въ положеніе умывающагося въ болотѣ или чистящаго грязной щеткой. Эти социотехническіе институты, Социотехникумы, просто, „обществостроильни“, должны быть вольными, внѣгосударственными. Это, кажется, должно было быть ясно для каждаго: разъ эти институты экспериментируютъ, подвергаютъ социотехнической критикѣ само государство, ставятъ себѣ цѣлью изобрѣтеніе негосударственной формы общежитія, то отсюда слѣдуетъ, что признаніемъ власти государства надъ собою они бы подрывали въ основѣ всю ихъ изобрѣтательную социальную работу. Возможность существованія такихъ внѣгосударственныхъ ячеекъ въ современномъ государственномъ обществѣ прекрасно можетъ иллюстрировать право экстерриториальности консульствъ. **Социотехническое право**, назовемъ его актоархическимъ или актополитическимъ правомъ, есть только высшая форма экстерриториальности.

Мы остановились на этомъ при анархизмѣ, хотя это обнимаетъ и

на его второй болѣе сильной позиціи, на фактической прикрѣпленности личности к нему.

И счастливо будет то государство, которое впервые заведет договорный порядок, упразднит рабство личности, государственное рабство. Это будет служить таким же поворотным пунктом в исторіи цивилизаціи, как момент уничтоженія хозяйственнаго рабства и крѣпостничества. Мы увѣрены, что нѣкоторыя из „цивилизованных“ „гуманных“ государств, наконец, додумаются, что другого лучшаго средства борьбы с террористическим анархизмом, нѣтъ. Им станет ясно, что как бунты рабов (экономических) были неотъемлемым свойством рабства (экономическаго), так и анархическій террор есть такое же неизбежное и неотвратимое слѣдствіе государственнаго рабства. Не может быть и рѣчи о спокойной мирной, планомѣрной организованной борьбѣ, пока существует рабство, пока нѣтъ свободы. Бывшій диктатор К. бросил крѣпкое слово „взбунтовавшіеся рабы“. Но уж Лассаль указал, что его изслѣдованія всегда совпадают с министерскими словечками, как напр. у него с Бисмарком. И в данном случаѣ это оправдалось. Развѣ что мы такое, и чѣм мы можем быть при современном государственно-рабском строѣ, если не „бунтующіеся рабы“. Пусть будет уничтожено государственное рабство, и тогда, мы увѣрены, анархисты перестанут бунтарствовать; тогда не будет больше бунтующихся личностей, а будут лишь личности, борющіяся протѣв своего угнетенія.

Тогда будет лишь организованная плагомѣрная борьба, борьба свободно объединенных развитых личностей против государства или вѣроятнѣе, одна **соціотехника**.

Но с ростом соціотехники совершенно устраняется момент уличной революціи, т. е. гражданской войны, идеализируемой вынѣ в эпоху соціальнаго классоваго варварства не менѣе, чѣм обыкновенная война в эпоху расово-антропологическаго и психологическаго варварства, вынѣ уже потерявшая свой ореол и клеймленная всѣми, как народобійство. Уличная революція замѣнится одной революціонностью соціотехники, примѣненіе, введеніе в жизнь и использование завоеваній которой, предоставляется всякому индивиду или всякой группѣ на его или ея усмотрѣніе.

Соціотехникум должен лишь дать **возможность**, создать образцы и дать инструкторов, специалистов, соціотехников, но не заставить, насиловать. Как нечего заставлять кого-нибудь ѣхать по желѣзной дорогѣ, говорить по телефону, пользоваться электричеством, так нечего будет заставить кого-нибудь или какую-либо группу пользоваться изобрѣтеніями и услугами Соціотехникума.

Во всяком случаѣ, безболѣзненность и отчасти и безкровность послѣдняго из социальных насильственных переворотов, анархической или пананархической революціи, обусловится, главным образом, количеством наперед произведенных соціалотехнических экспериментов.

напр. рост государства, концентрація територій, война как національно-политическая конкуренція, пацифизм и его мнимый идеал „вѣчнаго мира“ как синдикат націй—территориалистов и т. п. Тут мы хотим указать на такую же аналогичность между хозяйством и государством (институтом управления) касательно индивидуальной политики, т. е. в отношении личности к государству.

Древнее натуральное мелкое хозяйство, по убогости своей, несомненно должно было принимать характер рабства. Если бы раб был прикреплен **юридически**, то фактически был бы свободен: он мог бы смѣло уйти, зажить самостоятельно, обзавестись собственным, конечно еще болѣе мелким хозяйством, воистину потеряв лишь свои цѣпи. Юридическая свобода уничтожила бы в один миг древнее натуральное хозяйство с его дѣленіем на господ и рабов. Оно бы окончательно раздробилось и стало бы свободным. Крупное капиталистическое же хозяйство, наоборот, имѣя к своим услугам фактическое **экономическое** закрѣпощеніе, отбросило юридическое закрѣпощеніе, как вещь лишнюю и вредную. Юридическое насилие, при наличности фактического экономической принужденности и закрѣпленности, вредно уже однимъ тѣм, что заслоняет собою необходимость добровольнаго наемничества и лишает работодателя ореола благодѣлительства.

Для нас ясно до очевидности, что то же самое происходит и с государством (с управительной дѣятельностью). Когда государство было мелкое, то услуги, даваемые им, как обезпеченіе и прочія удобства были очень незначительными. С другой стороны, так как кругом были такія же мелкія единицы, то и угроза была сравнительно слаба, т. е. вѣрнѣе не угроза, а возможность самозащиты, возможность отраженія врага, была ветрудной и выполнимой чуть ли не одной героической личностью или малочисленным коллективом. При такомъ политическомъ положеніи вещей государство необходимо вынуждено опираться на правовое спаиваніе, иначе оно бы раздробилось, сильныя личности, ненуждающіяся в защитѣ разбрелись бы во всѣ четыре стороны. Иначе обстоит дѣло с современнымъ крупнымъ государствомъ представляя каждому индивиду крупную силу защиты, с одной стороны и предотвращая от него исполнскія угрозы другихъ государствъ могущихъ вмиг раздавить самую отчаянную и героическую группу или отдѣльных волелюбцевъ, оно смѣло можетъ представить всѣмъ желающимъ и могущимъ право выступленія, т. е. объявить государственное рабство упраздненнымъ. Государство этимъ уничтожено не будет, оно лишь перейдетъ в болѣе высшую форму, от рабской формы к договорной. Личность с государствомъ вступаетъ тогда в такія же отношенія, какъ современный рабочий с капиталистомъ. Ты мнѣ плати, а я буду **работать**—говоритъ рабочий. Ты меня обезпечь, а я буду слушаться—скажетъ личность. Тут политика, государство, переходитъ от рабства к наемничеству, к государственному либерализму. Отбрасывая лишнюю и мѣшающую юридическую закрѣпощенность, государство утверждаетъся

отстраняя социальный эксперимент (при искусственно создаваемых условиях) и ставя вместо него социальную попытку (в естественных условиях).

Важнейшая культурная задача момента это искоренение предразсудка социальной Природы, социальной желѣзной необходимости, подчинения существующим порядкам. Нужно провести в массы сознание, что нѣтъ никакой границы, никакого предѣла социальному строительству, о котором можно было сказать: сіе не перейдеши. Всѣ разсужденія о каком то буржуазном или другом строѣ, который яко бы нельзя сразу и сію минуту уничтожить, замѣняя его другим, суть лишь выдумки лживой науки, занимающейся запугиваніем угнетенных. Всѣ эти вѣчные социальные законы суть обман и шарлатанство.

Лгала религія, лжет наука, истинна одна техника.

Все возможно, техника всемогуща! Все можно перестроить, пересоздать—было бы лишь техническое умѣніе.

Все можно взять—лишь бы было силы и нравственного права.

Было бы это сознание у рабочих, они бы не удовлетворились контролями, и лжекоммунизмом.

Было бы это сознание у рабочих, они бы не играли в резолюціи и парламентаризм, но и не марали себя и не обманывали себя диктатурами, совнаркомом и чрезвычайками.

Было бы сознание у рабочих, они бы не играли по-дѣтски в власть, в комиссаріатство, в пустой декретизм, в траги-комедию „коммунистическаго государства“.

Было бы сознание у Угнетенных—и совнаркомы, комиссаріаты, государства лопнули бы как мыльные пузыри,—их мѣсто заняли бы Соціотехникумы. Пробудится, наконец, сознание у Угнетенных, и они поймут, что государство это не только зло—угнетение, но и призрак, угнетающій призрак, кошмар, что государство это—соціомагія: лишь ея зло реально, ея тюрьмы и разстрѣлы дѣйствительны, но ея добро, благо и польза призрачны, лживы, миеичны.

Пробудится сознание у Угнетенных и они поймут, что парламенты, совѣты, резолюціи и декреты это общественное колдовство, дающее лишь нищету, разорение, голод и разруху. Государство, парламенты-совѣты могут дать лишь смерть, наказанія, тюрьмы, но не свободы, не воли, и не хлѣба. Парламенты-совѣты не могут дать ничего кромѣ пуль голодным, ибо они говорильни, храмины пусто словія, знахарства.

Нужно дѣло, труд, дѣйство, разрушительное и созидательное,—нужна соціотехника.

Было бы сознание у рабочих и у крестьян, они бы устроили Пананархію, забрав всѣ земли, всѣ фабрики, всѣ богатства, и творя вольность.

Было бы это сознание у угнетенных—и давно уже не было бы угнетенія на землѣ.

(опытов). Она также будет зависеть от степени авторитетности, общепризнанной компетентности **соціотехнического института, Соціотехникума** в глазах широких масс.

Нѣтъ сомнѣній, что в будущем обществѣ всякіе социальныя вопросы будут рѣшаться чистотехническим путем, соціотехническими органами, **Соціотехникумами**, но во всяком случаѣ и в нашем обществѣ, еще при государствѣ такому институту предстоит громадное будущее.

Исключая кучку угнетателей, которые злонамѣренно отворачиваются от Истины, Справедливости, общаго и даже своего блага, все общество будет считаться с опытом этого института, признавая его верховным судьей социальных изобрѣтеній, улучшеній, порядков и строев.

Взоры общества, чѣм дальше, тѣм больше, будут обращены к соціотехническим институтам, как к маякам спасенія, как к разсадникам новой жизни, новой общественности.

Для каждаго будет ясно, что самая высшая инстанція социального строительства это **соціотехнический институт—Соціотехникум**.

Каждому будет ясно, что чѣм больше опытов, испытаній, тѣм меньше неудач, провалов, преткновеній ожидает социальную революцію; чѣм больше соціотехники, тѣм меньше крови; чѣм шире и основательнѣе проложен будет путь строительства, тѣм меньше препон и волчьих ям окажется на нем.

Важность соціотехническаго момента, вообще, и соціотехническаго института, в особенности, так велика, что нам придется посвятить этому особую работу. (См. „Соціомагія и Соціотехника“).

Тут мы хотим лишь еще отмѣтить, что в данный исключительный небывалый историческій момент вся Россія являет собою один грандіозный соціотехнический институт, в котором, к сожалѣнію магія преобладает надъ техникой.

Будущее многих поколѣній на вѣсах. Куется судьба угнетенных. Рупятся устои вѣковые. Культура вѣков—мимолетные, мелькающіе миги, миги настоящаго—вѣчности.

Уж давно не было такого момента творческаго, соціотехническаго, в исторіи человѣчества. Уж давно человѣкъ не был так трагичен, величествен, счастлив в своем несчастіи. В крови и корчах строится будущее, выстраданное кровью,

Было бы раньше побольше технических опытов строительства, поменьше бы стоило жертв.—поменьше недоразумѣній, поменьше недоверія со стороны общества.

Но міровая бойня создала разруху, голод, создала чрезвычайныя условия, дѣлала **возможным невозможное**, превратила саму жизнь в страшный ужасный жуткій эксперимент. Обезцѣнивая жизнь и благосостояніе, летя от одной катастрофы к другой, преподнося нам ежедневно новыя сюрпризы разореній и осложненій во всѣх областях жизни, міровая бойня вынесла соціотехническую лабораторію на улицу,

Но прочь уныніе! Человѣчество одолѣет, наконец, и государственное рабство, и школьное рабство, и семейное рабство, и проч., как уж одолѣло хозяйственное рабство. Хозяйственное рабство освящалось и покровительствовало **религіозным язычеством**, современные виды рабства поддерживаются, главным образом, **научным язычеством**.

Но вот давайте повергнем в прах всѣ эти идолы и кумиры науки: Неприкосновенность Соціальной Природы, Естественный процесс, Эволюцію-Револуцію, и Отечество, Государство, и проч. и проч., и тогда воцарится один **соціотехнический и пантехнический, міропреобразовательный и обществосоздательный геній на землѣ**.

Хлѣб, Воля, Правда, Красота и Умность всѣм!

Вѣчная жизнь и вѣчное счастье всѣм!

Ко всѣм товарищам анархистам!

К вам, товарищам, без различія направленія, обращается наше слово.

Вам, товарищам, уже стоящим у живого источника анархизма, еще болѣе чѣм другим, нужна наша живая ключевая вода, очищенная и профильтрованная от буржуазной мути, не только жизни, но и мысли и науки.

Алкающіе и жаждущіе, блуждающіе по пустынь буржуазной культуры, придите и оживите вашу душу.

Товарищи! вот вам слово, чистое от буржуазной лжи, обмана и предразсудка, чистое от буржуазной науки.

Товарищи! долго вы томились в плѣну у буржуазной мысли, буржуазной науки, буржуазной культуры. Сколько вы не старались выплюнуть ее, эту буржуазную мысль-науку-культуру, она осталась в вас, заставляя вас дышать ея отравленными газами, ибо она была вашими легкими, а выплюнуть ее значило для вас духовно умереть — значило выплюнуть человѣческую мысль, сказать мозгу-уму: остановись! перестань работать, ибо ты буржуазно настроен.

Но вот пришла философія анархизма и освободила вас от духовнаго рабства у буржуазіи, освободила вас из буржуазнаго духовнаго плѣненія.

Вот пришло к вам слово Угнетенных, свободное от всѣх примѣсей, — пришел к вам чистый анархизм (чистый и от буржуазной культуры), это пананархизм (всеанархизм), означающій анархизм и в культурѣ. Анархія не только в политической жизни, но и во всѣх других отраслях, углах и закоулках, да и не только в обществѣ, но и во вселенной; вселенческий анархизм — Пананархія — всеанархія, вездѣ анархія и сейчас-анархія. Пришла к вам, наконец, и Анархія Духа.

Этот пананархизм расширен, слѣдовательно, и в социальном отношеніи; он призывает к совмѣстной самозащитѣ, к совмѣстной борьбѣ, к совмѣстному освобожденію пять угнетенных коллективов со-

Провести это **соціотехническое** сознаніе в массы, приучать народ смотрѣть на общество как на предмет, подлежащій произвольной искусственной и вольной безгосударственной, не принудительной чисто-технической обработкѣ—и есть задача культурной революціи, которая должна идти **сзади** соціальной революціи, подталкивая и укрѣпляя ее, **наряду** с нею помогая, поддерживая и поощряя ее, и **впереди** нея, подготавливая ее и обезпечивая ей успѣх.

В **соціотехническом** отношеніи к обществу и кроется сознаніе могущества человѣка, гордость и неподчиненность **внѣшней слѣпой бессмысленной** стихіи: оно и есть рост объективности, рост сознательности, рост неустранимости человѣка; оно и есть освобожденіе от **предразсудка**, от первобытно-фетишистскаго страха, и от вѣры в магію парламентаризма-совѣтизма.

Но этот фетишистскій страх, трусость, живет, в первую очередь, в принудительном строѣ, в государствѣ. Соціомагія свила себѣ в нем прочное гнѣздо.

Мы таким образом опять вернулись к главному ужасу нашей общественности—к государственности.

Общество должно строиться технически!

Государство должно быть замѣнено Соціотехникумом!

Угнетеніе должно быть уничтожено!

Обман парламентаризма-совѣтизма должен быть разоблачен!

Магія законов-декретов, магія письма, как магія слова, магія депутатских рѣчей, должна быть упразднена!

Говорильни и канцеляріи должны быть распущены!

Словоблудію и письmobлудію должен быть положен предѣлъ!

Глупости и обману, варварству и произволу государственности должен быть конец!

Вот что должно стать нашим ежедневным кличем.

Страшно и немыслимо жить умной и развитой личности в этом государственном шантажѣ и государственном рабствѣ.

Наш рабовладѣлец-государство располагает нашей жизнью, имуществом и свободой, по его усмотрѣнію, произволу и капризу, облакаемому иногда в видѣ „закона“, а иногда и этого нѣтъ. Мы не имѣем права перейти к другому рабовладѣльцу без его на то согласія. У нас нѣтъ ни свободы договора, у нас нѣтъ **права забастовки** (по отношенію к государству), мы должны служить ему вѣчно, с рожденія до гробовой доски, мы должны непрекословно слушаться, если нѣтъ—то тюрьма, каторга, разстрѣлъ, висѣлица и т. д. Словом мы рабы.

И при этой мысли какой то кошмар окутывает нас, неизреченное отчаяніе омрачает наше сознаніе. Какая бездна одичанія смотрит на нас! гдѣ мы? не среди ли людоедов, не нагими ли мы гуляем с большим куском человѣческаго мяса во рту и с какой то человѣческой окровавленной головой на копѣ!

Жутко.

Культура Угнетенных это не вымысел религии [и науки, не измышление надчувственных миров, а пересоздание реального, чувственного мира. Культура Угнетенных это не фабрикация духов, чертей, молекул и эфир, вѣчных законов, естественных процессов и социальных природ, а перекраивание, перестраивание мира и общества.

Культурой трудящихся всегда был и будет труд, а потому наша культура, истинная, не обманная, это труд—техника, пантехника (всестехника). Рабочія массы, трудящиеся дали миру величайших гениев техники, Стефенсона, Уатта и др., но ни одного волхва религии, ни одного кудесника науки. Трудящиеся ничего общего не имѣют съ лжн-тайской религіей и праздношатайской наукой.

Нам не нужны сверхчувственные миры религии и науки, нам не нужно царствіе небеснаго, не нужно царства будущаго, а Хлѣб, Воля и Правда на землѣ и в настоящем.

Ложь религія, ложь наука, правда одна техника, истинна она лишь одна, она чувственная, она мускульная.

Откроем же, наконец, глаза, чтоб видѣть истину, прозрѣем же, наконец, чтоб увидѣть нашу наготу и срамоту: мы нагие европейскіе дикари; „новыя платья“, отвлеченно-тонкія, сшитыя для нас научными шарлатанами,—мио, паутина! Разсѣем же туман лжи, которым окутали нас попы, ксендзы и брамины, академики, ученые и профессора.

Давайте, не послушаемся религіозных попов, не послушаемся и научных попов.

Бросим боги, черти, кресты и иконы, бросим природы, естества, молекулы, атомы, эиры, матеріи, энергіи, причинности и эволюціи, бросим законы природы и законы государства — и будем творить Ананархію, Безцарствіе земное, Безцарствіе настоящаго.

Апостолы истиннаго анархизма! идите в народныя массы и спасайте их от суевѣрія религіи-науки—их еще можно легко спасти, ибо они еще „некультурны“, значит не попали в сѣти науки.

Идите. Нѣтъ, неситесь, как на крыльях вѣтра, ибо дорога каждая секунда. Услыште вопль душ погибших наших братьев, запутавшихся в тенетах буржуазной лжи, науки и навсегда пропавших для нашего святаго дѣла освобожденія человѣчества. Многіе, почти весь рабочий класс, в „культурных“ странах, в особенности в Англіи и даже Германіи, уж, быть может, навсегда потеряны для прогресса, для дѣла освобожденія угнетенных—им не высвободиться из кровавых когтей научнаго невѣжества. Буржуазія „просвѣтила“ их, т. е. привила им вѣру и незыблемые вѣчные законы исторіи, общества, в неприкосновенность Соціальной Природы, в непосягаемость капиталистическаго строя, в невозможность сразу и одним рѣшительным актом перестроить все хозяйство на коммунистических началах, внушили им суевѣріе эволюціи (развитія), в видѣ спенсеризма (трѣд-юніонизма), однѣ реформы — или в видѣ марксизма—реформы с ожиданіем мессіи царства будущаго.

временного общества: Работника, Женщину, Угнетенную Национальность, Учащуюся Молодежь и Развитую Личность.

Он свѣточ, он труба, он барабан, он бьет тревогу, он трубит призыв:

Настал великій час объединенія, борьбы и побѣды всѣх Угнетенных.

Освобожденіе Угнетенных—дѣло самих Угнетенных.

Товарищи! вы видите мы пришли не убавить, а прибавить.

Товарищи! не убойтесь новаго слова, не страшитесь новизны. Стыдно анархисту быть мѣщанином мысли, трусом духа. Наши ряды никогда не знали трусов. Не цѣпляйтесь за старый уходящій буржуазный мір; не цѣпляйтесь за старую буржуазную культуру, ибо она заманит вас, завлечет вас в старый буржуазный угнетательскій мір.

Вы не трусите перед браунингом и бомбой, так не трусите же и перед буквой, перед волхвами буржуазной науки.

Не убойтесь новаго слова, исходящаго из собственнаго вашего сердца, из собственнаго вашего ума, из собственной вашей души. Вѣдь пананархизм, в сущности, всегда, еще до вашего знакомства с ним, был взлелѣянной мечтою всякаго из вас, ваше сердце всегда тосковало по нем, ваша мысль всегда горѣла священным желаніем высвободиться из тисков буржуазной науки, раскрѣпоститься от всего буржуазнаго, от всего угнетательскаго—а вот эта ваша мечта облеклась плотью и кровью, предстала пред вами во всем блескѣ человѣческаго остроумія, во всей плѣнительности и убѣдительности своих доводов, во всей заманчивости своих широких и вольных горизонтов. Не чуждайтесь же ея, не чуждайтесь „самого себя“, собственных пожеланій, не поворачивайтесь спиною к предмету вашего вождѣнія и томленія.

Товарищи! ваша же душа искони взмаливалась к вам: „давайте, отряхнем прах буржуазнаго міра с себя!“ и внемля этому внутреннему голосу, вы частехонько между собою поговаривали:

Давайте, братья, отряхнем буржуазный мір с наших ног и душ!

Но, дорогіе товарищи, вам до сих пор удалось оттряхнуть его лишь с ваших ног, а не с ваших душ, ибо он, окаянный и лукавый, гнѣзвился в глубинѣ, на днѣ вашей души. Он преспокойно почивал там, мефистофельски издѣваясь над вашим безсиліем. Отворачиваясь от буржуазнаго міра, как от чумы, он жил-был внутри вас, хозяйничал в вашей душѣ, в вашем умѣ, в ваших мыслях—это наука.

И вы, воспитанные на ней, на этой лживой, обманной и разбойничьей наукѣ, разбойничьей культурѣ, воспитывали на ней и ваших дѣтей; вы и народныя массы воспитывали на ней в ваших рѣчах, статьях, лекціях, брошюрах и книгах.

Но вот давайте провозгласим:

Буржуазная культура—религія и наука—не наша культура, не культура Угнетенных, не культура трудящихся.

Ко всѣм угнетенным!

Освобожденіе угнетенных—дѣло самих угнетенных.

Угнетенные, к вам зоветъ ваш собственный голосъ.

К вам зоветъ ваше вѣковое горе, ваша вѣковая нужда, ваши вѣковыя муки, ваше вѣковое угнетеніе.

К вам зоветъ ваша исторія, исторія крови и слезъ.

К вам зоветъ прошлое. К вам зовутъ окровавленные спины рабовъ, вздохи засѣченныхъ мужиковъ.

К вам зоветъ настоящее. К вам зовутъ убогія хижины, ла-чужки деревни. К вам зовутъ подвалы и вышки городовъ.

К вам зоветъ безглазая землянка батрака.

К вам зовутъ изнеможенные лица рабочихъ.

К вам зовутъ блѣдныя губы и восковыя личики дѣтей, окоченныя рученки и ножки.

К вам зовутъ легкія увядаемыхъ на спичечныхъ фабрикахъ живыхъ, молодыхъ, блѣдныхъ лилій.

К вам зоветъ Голодъ.

К вам зовутъ лохмотья и просвѣчивающееся черезъ нихъ вялое человѣческое тѣло.

К вам зоветъ Бездомность—безпріютныя, грѣющіе свои „лишніе“ члены у расположенныхъ на улицахъ костровъ.

К вам зоветъ работный и безработный голодный людъ!

К вам зоветъ ваша мать, битая, затравленная, замученная, сошедшая, по винѣ половой эксплуатаціи, преждевременно въ могилу.

К вам зоветъ ваша сестра, опозоренная, изнасилованная, высанная и выброшенная.

К вам зоветъ узница спальни и кухни.

К вам зоветъ полчеловѣчество, отброшенное отъ культуры, прибитое, доведенное до тѣлеснаго и духовнаго вырожденія, опутанное и задавленное суевѣріемъ.

К вам зоветъ женщина.

К вам зовутъ заживо похороненные въ окопахъ, обреченные на убой и разбой.

К вам зовутъ обманутые убійцы, убійцы съ дѣтски-невинными душами.

К вам зовутъ горы труповъ, башни череповъ, океаны крови.

К вам зовутъ семь милліоновъ отрубленныхъ головъ, пораженныхъ сердецъ, вывороченныхъ кишекъ и семнадцать милліоновъ отрубленныхъ ногъ и рукъ.

Спасайте же остальных, спасайте малосознательныя рабочія массы, не зараженныя еще буржуазной наукой, незнакомыя еще с ея представителем на пролетарской улицѣ—Карлом Марксом.

Идите, будите сознание угнетенных, еще не дошедших до сознания своей угнетенности.

Будите сознание личности, угнетенной національности, учащейся молодежи, женщины, и предупреждайте от заразы наукой Работника, рабочія массы.

Идите, сѣйте ересь, безвѣріе, безнаучіе, безвластіе, безугнетеніе, безначаліе кругом вас. Пусть взлетят на воздух буржуазныя научныя чертоги динамитом вашего слова, вашей мысли, вашего всеотрицанія, пусть гибнут буржуазныя боги кумиры, т. е. Природы, пусть поруганными и повергнутыми в прах валяются у ног ваших буржуазныя научныя Перуны.

Вытравьте из народной души, из низов, из среды угнетенных, религію и науку; очистите поле новой народной жизни от сорной травы религіи, не давайте забраться туда крапивѣ науки, а засѣйте ее розами Анархіи, лиліями Соціотехники.

Провозглашайте ложность религіи и науки и истинность одной техники, провозглашайте возможность и необходимость общестроительства, социальной техники, *Соціотехники*.

Говорите угнетенным: лгут попы, лгут профессора, не ждите мессіи Христа, Будды, не ждите эволюціи (развитія) и царства будущаго—в любое прекрасное утро вы можете зажечь ваше солнце, солнце угнетенных, солнце, для всѣх; в любой момент, когда хватит сил, вы можете вырвать с корнем старый мір—вырвать так, чтоб и его мѣста не узнать!—и насадить новый; в любой миг вы можете видѣть вашими собственными глазами, здѣсь на землѣ, и в настоящем, ваше собственное счастье, счастье всѣх.

Ломайте жизнь! смѣлѣй, смѣлѣй! живѣй, ударьте! рубите так, чтоб щепки летѣли! замахнитесь топором во всю ширь, во всю удаль, во всю жажду всеразрушенія.

Стругайте, пилите так, чтоб опилки затемнили золотой свѣтъ буржуазнаго дня.

Рубите, пилите, стругайте—и стройте новую жизнь, новую землю, новыя небеса, но не завтра, а сегодня.

Сѣйте всеразрушеніе и пожинайте всесозданіе!

Будьте разрушителями и строителями, будьте техниками жизни, Соціотехниками!

К вам взывает Личность.

Угнетенные! к вам взывают пять ваших угнетений.

К вам взывают и два ваших обмана, обман религии, обман науки.

К вам взывают пять лжей: ложь космогонии, ложь бога, ложь природы, ложь законов мышления и ложь гносеологии.

Вас угнетают и обманывают, обманывают и угнетают.

Но пусть услышит мир ваше грозное:

Довольно!

Пусть пробьет великий час] вашего объединения, вашего прозрения, вашего освобождения.

Соединяйтесь—откройте глаза и развяжите руки—и вы свободны!

Угнетенные! уничтожьте тюрьму государства и духовную тюрьму религии—науки.

Уничтожьте власть кулака и власть Предразсудка, физическую и духовную власть угнетателей над вами!

Уничтожьте пять угнетений и два обмана!

Уничтожьте пять лжей!

Долой власть, капитал, отечество, рабское воспитание и протиточную семью.

Долой религию и науку!

Да здравствует Социальная Революция.

Да здравствует Культурная Революция!

Создайте Социотехнику! Творите Анархию!

Моряки!

Дух бушующего моря пусть живет в вашей груди. Будьте революционны, как море, вечно катящее свои волны. Пусть ваши корабли чалят к новым берегам. Создайте Социотехнику! Творите Анархию!

Солдаты! Красноармейцы!

Вас сдѣлали убійцами—будьте убійцами буржуазнаго и социалистическаго строя. Вы были слѣпым орудіем угнетенія, будьте сознательным вихрем освобожденія. Ваше оружіе творило смерть—пусть оно творит новую жизнь. Создайте Социотехнику! Творите Анархию!

Казачи!

Вольная как ваша пѣсня, была ваша жизнь—вас сдѣлали полицейскими, тюремщиками. Пусть будет проклято государство, превратившее вольных сынов степи в нагаечников свободы. Разите государство мечом вашим. Уничтожьте ваших атаманов, палачей. Возстановите вашу волю—дайте волю другим. Создайте Социотехнику! Творите Анархию!

К вам вызывают истребленные и истребляемые так называемые „малокультурные“, т. е. менте разбойничьи народы.

К вам вызывают ограбленные индусы, притѣсненные ирландцы, обезволенная Познань, оголенная Польша, разгромленные евреи, раззоренные латыши и проч. и проч.

К вам вызывает вопиющее, бездну и небо сверлящее зло: обманутая, одуроченная, затравленная и натравленная, угнетенная национальность, посылаемая и идущая на усмирение другой угнетенной национальности; это угнетенные казаки, низведенные на степень слѣпого орудія угнетенія; это „вольные“ казаки, превращенные в рабов цѣлующих розги и цѣпи, в холопов власти, в полицейских.

К вам вызывает угнетенная национальность.

К вам вызывают заплаканныя дѣти, задавленные ранцами-хранилищами книжной мудрости, запуганныя отмѣтками, блѣдныя и малокровныя от уроков, изнервничавшіяся от выговоров, искалѣченные тѣлом и душой душегубной школой.

К вам вызывают искривленные позвоночники и потухшіе глаза, искривленные умы и потухшія сердца.

К вам вызывает доведенная экзаменами до самоубійства Молодежь.

К вам вызывают узники школ.

К вам вызывает живое зеленѣющее Творчество—Молодежь—превращенное в жвачное животное.

К вам вызывает жизнь и энергію бьющая ключем Молодость правращенная в дряхлое старчество.

К вам вызывают юно-гладкіе лбы, насильнически изборужденные морщинами, юно-гладкія щеки, облѣпленные сѣдиной.

К вам вызывают обманутые и одуроченные в церковных школах и семинаріях, в университетах и академіях.

К вам вызывают всѣ закланные Молоху глупости религіи и невѣжества науки, Молоху воспитанія.

К вам вызывает Ребенок и Учащаяся Молодежь.

К вам вызывают всѣ изнасилованные законами, постановленіями и распоряженіями.

К вам вызывают всѣ судимые и осужденные; всѣ томящіеся в тюрьмах, гнѣющіе на каторгах; всѣ казенные, разстрѣлянные, повѣшеные; всѣ ограбленные государством, чиновниками, раззоренные налогами, податями.

К вам вызывает мрак карцеров и лязг цѣпей.

К вам вызывает проклятіе, разбивающееся о сырую стѣну, сжатый кулак, опущенный на рѣшетку, скрежет зубов, умирающій на сухих губах, коченѣющія руки и ноги голодающих (голодовка).

К вам вызывает свобода, распятая тюремщиками—министрами юстиціи, комиссарами и чрезвычайками.

К вам вызывает скованный Промотей-Человѣкъ; его грудь, расклеванная хищниками-орлами власти.

Поймите! от кого же их оберегаете? От бѣдных, от вас самих! Раскройте ворота, пусть придут истинные хозяева, бѣдные, и возьмут свое добро. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію**

Швейцары!

Полно лакейничать, полно пресмыкаться. Стыдно человѣку быть рабом. Взгляните на себя, как вы принижены. Господа вас кормят отбросами от своего стола. Голодными вы лижете ноги ваших хозяев. Ваши дѣти чахнут во мракѣ и сырости под лѣстницей, а в господских хоромах сіяет солнце и радость. Распахните двери! пусть войдут чуждые дѣти в храмы и дворцы, пусть зарумянятся у них блѣдныя щеки, зажгутся потухшіе глаза. Пусть ваши дѣти знают веселье и радость за то, что вы их не знали. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Обитатели тьмы!

Мы зовем вас к свѣту, к солнцу, к равенству.

Всѣ мы равны. У всѣх нас одинаково течет кровь, бьется сердце, держат мысль, пламенѣет гнѣвъ. Творите равенство. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Владѣльцы дворцов и особняков! Если не желаете равенства, то поселитесь же вы в подвалы, под лѣстницы, в сырые углы.

А мы идем к свѣту, к солнцу. Творите солнце! **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Рабочіе!

Вы создали богатства, но все для чужих. Наступила пора создавать для себя. Фабрики, заводы, рудники—ваши! Усваивайте, расширяйте и углубляйте ваши техническія умѣнія. Создайте новую техническую культуру. И не будет больше „интеллигенція“ и „массы“. Учитесь жить в Анархіи, жить самостоятельно без интеллигентской касты. живите соціотехнически! **Создайте свой Соціотехникум! Творите Анархію!**

Потребители!

Вас обирают купцы, спекулянты, мародеры. Уничтожьте деньги и не будет больше мародеров-банкиров. Не бросайте воров в Фонтанку, бросайте туда свои воровскіе бумажники. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Деревня!

Не слушай приказов города, не подчиняйся законам центра. Устраивай Пананархію! Пусть Вольная деревня обмѣнит свои продукты с Вольным городом. Живи в красотѣ и волѣ. Пусть деревня станет городом, а город—деревней. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Город!

Ты таишь в себѣ нищету и мерзость, слабость человѣка, но в тебѣ и могущество, и мощь его—техника. В твоей каменной клѣткѣ заключена Анархія. В твоей клѣткѣ-наукѣ заключена Пантех-

Заключенные!

Кандалышники, преступники, воры, убійцы, поножовщики, кинжалоръззы, проститутки, отщепенцы общества, паріи свободы, пасынки морали, отторгнутые всѣми! Возстаньте и поднимитесь. На пиру жизни займите первое мѣсто. Вы были послѣдними—станьте первыми. Сыны темной ночи, станьте рыцарями свѣтлаго дня, дня угнетенных. **Создайте свой Соціотехникум! Творите Анархію!**

Жильцы!

Короли углов! как крысы вы ютитесь в норах. Коснѣющіе во мракѣ—выползайте на свѣт! Вот дворцы, залитые солнцем—они ваши! Все для вас! Живите в Анархіи. Вот дома, поселитесь в них. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Обитатели подвалов!

Ваши дѣти чахнут без солнца, без свѣта—берите ваше право на солнце, на свѣт. В роскошные пустующіе залы поселите ваших блѣдных, хилых дѣтей. Да будет вашим кличем: Солнце для всѣх, свѣт для всѣх! **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Бѣдные,

Голодные, оборванные, босые! Кругом вас все, а у вас ничего.

Все принадлежит вам, бѣдным! Берите!

Все принадлежит вам, голодным! Насыщайтесь!

Все принадлежит вам, оборванным! Одѣньтесь!

Все принадлежит вам, босым! Обувайтесь!

Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!

Бездомный, безпріютный сын улицы!

Манят пурпуром каминны, манят теплом и сытостью дома, ласкают ноги ковры, лелѣет ухо піанино.

Для тебя закрыты всѣ ворота, прихлопнуты всѣ двери.

Рѣжут босыя ноги камни, лед, рѣжет ухо лай собак и окрик сторожей.

Нѣжится в шелковых подушках тѣло, твои лахмотья продувает вѣтер. Страсти извиваются под теплыми покрывалами—хладно-мертвы твои уста, сердце—пепел, кулак—песок, безропотно приникаешь ты к стѣнѣ, к углу, дремля стоя.

Невдалекѣ взад и вперед шмыгает проститутка—это твоя дочь, продающая свой молодой огонь хладным старым обитым золотом сердцам.

Глупый несчастный! вот же дом, вот тепло, вот уют. **Войди, поселись въ него!** Пусть блуждают по улицам и ласкают зубами владыльцы особняков и дворцов. Пусть продаются их дочери, если они не желают установить лучший порядок на землѣ. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Дворники!

Полно вам быть сторожевыми собаками, оберегателями чужого добра. Бѣдным не нужна охрана. Богатых преступно охранять.

подчиняйтесь государству. Творите вашу волю, ваше счастье. **Создайте Соцотехникум! Творите Анархию!**

Суевѣры, одураченные религіей!

Уничтожьте церкви-темницы вашего духа. Сбросьте кресты шей—душители вашей свободы. Разбейте иконы, лампады—онѣ копят вам тьму. Повергните в прах кумиры, перуны, идолы, боги, дьяволы, всѣх обитателей лживых небес и воцарите человѣка на истинной землѣ. **Создайте Пантехникум! Творите Анархию Духа!**

Обманутые наукой!

Сбросьте с себя лживыя цѣпи науки. Взорвите чертоги буржуазной мысли. Кроважидным паукам, научным попам, профессорам и ученым—не дайте опутывать вас научной паутиной. Не вѣрьте в буржуазную науку, щедрую на счет будущаго и скупую насчет настоящаго. Не создавайте себѣ лживых отвлеченных небес, живите на реальной землѣ. Не поклоняйтесь новому научному идолу, Природѣ и Эволюціи. Раззорите лживую культуру и создайте новую. Разрушьте религію и науку и творите технику. Будьте творцами не новаго вымысла, новой лжи, а истинной реальности, новой технической истинно-творческой цивилизации. Разрушьте и отрицайте, отрицайте и разрушьте. Разрушьте и создайте, создайте и разрушьте. **Создайте Пантехникум! Творите Анархию Духа!**

Невѣжественные!

Уничтожьте ту мерзкую культуру, которая дѣлится на „невѣжд“ и „ученых“. Вас держат во мракѣ, вам выкололи глаза. В вашей темнотѣ, в темнотѣ ночи культуры, вас ограбили. **Создайте Пантехникум! Творите Анархию Духа!**

Народ!

Тебя ограбили жрецы, попы и ученые, ограбили твой здравый смысл, твою незамысловатость, твою простоту, твои чувства. Лжет тебѣ, народ, религія, лжет тебѣ хитрая наука. Тебя дурачат царством небесным, тебя обманывают попы, тебя колпачат царством будущаго, социализмом, тебя обманывают ученые, профессора. Не вѣрь им! они тебя усыпляют и обирают. Они усыпляют тебя ладоню и блеском мишурнаго своего ума. **Создайте Пантехникум! Творите Анархию Духа!**

Человѣки!

Твое счастье не на небѣ, а на землѣ, не в будущем, а в настоящем, в твоих же руках. Твори Анархию во-всю, вездѣ и сейчас.

Раззори церковь, гнѣздо помѣщичьей лжи, раззори университет, гнѣздо буржуазной лжи, раззори партію, гнѣздо социалистической лжи. Гони прочь попов, гони прочь от себя ученых! Гони прочь попов социализма, „теоретиков“!

Раззори лживыя буржуазныя и социалистическія небеса, стащи их перуны, боги и кумиры. Есть один бог, на землѣ, это ты сам Человѣкъ. Ты, и твоя мощь—это техника. **Создайте Психотехникум! Творите Анархию!**

ника. В твоей клѣткѣ-государствѣ заключена Соціотехника. **Создайте Соціотехникум и Пантехникум! Творите Анархію!**

Львы Анархін!

Разбейте клѣтки. Разбейте город на районы, пусть каждый район управляется Соціотехникумом. Разбейте районы на улицы, улицы—на дома. Пусть каждый дом управляется Соціотехникумом. Вот вам Путь к Анархіи!

Насадите ширь и вольность полей и благоуханіе цвѣтов красоты в городѣ. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Учащаяся молодежь!

Берите школы в ваши руки! Творите вашу самобытность, про-
явите вашу волю к творчеству. Будьте самим собою. Самоуправьтесь! В
вашей груди пламя всепожиранія, в вашем дыханіи—бунт всеразру-
шенія и в вашем умѣ—дух всеотрицанія. Но старики—тираны вас
поработили и усмирили. Взгляните! горбы родителей на ваших душах.
Уничтожьте предрассудки старших, гоните вон, исключите из школы
религію и науку, культуру отцов и создайте вашу культуру, культуру
сынов. Вы анархисты сердцем, анархисты тѣлом, анархисты душой.
Создайте свой Соціотехникум! Творите Анархію!

Женщина!

Узница кухни и спальни, освободись! Утверди свое право на
культуру. Брось с себя цѣпи воспитанія дѣтей, уничтожь рабство
горшков. Уничтожь домашнее хозяйство, уничтожь домашнее воспита-
ніе. Не будь рабыней у мужчины, не будь и куклой. Ты чело-
вѣк—будь человеком. **Создайте свой Соціотехникум! Творите Анархію!**

Угнетенная Національность!

Освободись! уничтожь отечество. Раздвинь національныя пре-
грады и да будет весь земной шар твоим отечеством. И нѣтъ боль-
ше: моя Россія, твоя Германія, мой Петроград, твой Берлин. **Создай-
те Соціотехникум! Творите Анархію!**

Народы!

Сожигайте исторію вашего варварства, ваших захватов разных
земель. Не называйте вашей исторіи „отечественной“, ибо отечество
есть грабеж и разбой. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Отверженные, падшіе, презираемые!

Встаньте и разворите то общество, в котором есть „низ“ и „верх“,
встаньте—и покажите нам, что вы выше нас, что мы недостойны ва-
шего общенія, недостойны и вашего презрѣнія. Все, что было выше
вас, все будет ниже вас. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Рабы парламента и совѣтов!

Взгляните—вѣдь вы свободны! На вас надѣвают обманом новыя
цѣпи—швырните их к чорту! Не слушайтесь соціальных знахарей, не

Но вѣтъ! не вернемся; не назад, а вперед! Не вниз, а вверх!

Давайте перешеголяем, перекрыляем Утопію реальностью Соціотехники.

Пусть блѣднѣет Утопія, гаснет мечта перед всесолнцем нашего Соціотехникума! Пусть меркнет Панидеал перед величіем нашей воплощенной дѣйствительности!

Нас долго обманывали лживой наукой. Для обмана нас измышлен дарвинизм, эволюція, научный социализм, марксизм. Нам говорили: нужно ждать да выждать, общество будет развиваться, пока не доразовьется до лучшаго типа.

Так лгал нам Спенсер, так лгал нам Маркс.

Нас держали в потемках. Нам выкололи глаза жрецы религіи и жрецы науки. Слѣпыми мы плелись за ними на привязи Соціальной науки, запуганными разными невидимыми чучелами: Природа, Закон, Развитие.

Но вот мы прозрѣли и узрѣли при нас, с нами великую благодѣтельность челоуѣчества—Технику.

Мы узрѣли, что мы имѣем право и возможность творить, создавать, строить, строить и нашу жизнь.

Мы поняли, наконец, что идеальное общество не спадет с неба, не созрѣет, как яблоко, на лживом древѣ знанія науки.

Дом не зрѣет, не развивается, а строится. Лѣсъ самим собою, эволюціонно, посредством „акушерствованія естественнаго процесса“ не разовьется в „лавочный ряд“, дерево не разовьется в дом.

Разовьется древо

Вправо, вглубь—вширь, влѣво,

Станет уж само столом,

Разовьется желѣзо в лом!

Разовьются доски

Сразу в кіоски—

Нужно ли ломать, стругать?

Доразвилась—баста?—вот кровать!

Разовьются кедрь,

В коромысло, ведро,

И песок в стекло, стакан,

Разовьется кожа в барабан.

(Бр. Гордины. „Красное Знамя и Черное Знамя“, „Буревѣстник“, № 42).

И вот мы узнали величайшую истину послѣдняго времени—что существует или может и должна существовать Соціальная техника (соціотехника).

Она может произвольно строить какія ей угодно общества, ибо и она, Соціальная техника, имѣет, как ея сестра, физическая техника, право на изобрѣтеніе.

Мы вправѣ и в силѣ изобрѣтать новые „строи,“ новые уклады жизни, словом, новые типы общества, как мы вправѣ и в силѣ изобрѣтать новые типы автомобилей и аэропланов.

Несчастный!

Ты можешь быть счастливым, ты должен быть счастлив. Создайте Психотехникум! Создайте Социотехникум! Творите Анархию Духа!

К пананархистам.

Революция дошла до точки истощения. Истощились запасы слов, фраз, лозунгов, резолюций. Чувствуется усталость.

Через красное море слов мы пошли по пустынь политических переворотов: бесплодные скитания по Совётам, Централ-Комитетам и Комиссариятам изнурили нас. И вот нас окружают змѣи разочарования, безработицы и голода.

Не пора-ли вступить в обётованную землю строительства, вкушать плоды Земли Свободы!

Но гдѣ же она?

Обётованная земля не внѣ нас, а внутри нас, не гдѣ-то в дали времен, а в наших руках.

Давайте создадим обётованную землю свободы.

Достаточно мы настоялись в очередях. Достаточно мы наговорились на митингах.

Пора дѣло дѣлать.

Давайте осуществим наше право быть сытыми, счастливыми и радостными.

Давайте создадим вольную, красивую, как мечта, жизнь.

Мы имѣем право на счастье.

Мы имѣем право на радость.

Мы имѣем право на сказку.

Но мы не дѣти. Наша сказка—дѣйствительность. Дѣйствительность порою превосходит всякую сказку.

Давайте будем творить сказку—дѣйствительность!

Пусть пошлое мѣщанство своей духовной сытостью и тупостью считает нас то преступниками, то дѣтьми.

Да, мы преступники, мы их убійцы, убійцы их пошлости и убогости, их низости и ничтожности.

Да, мы дѣти. Мы хотим быть новорожденными.

Давайте начнем все с первого дня!

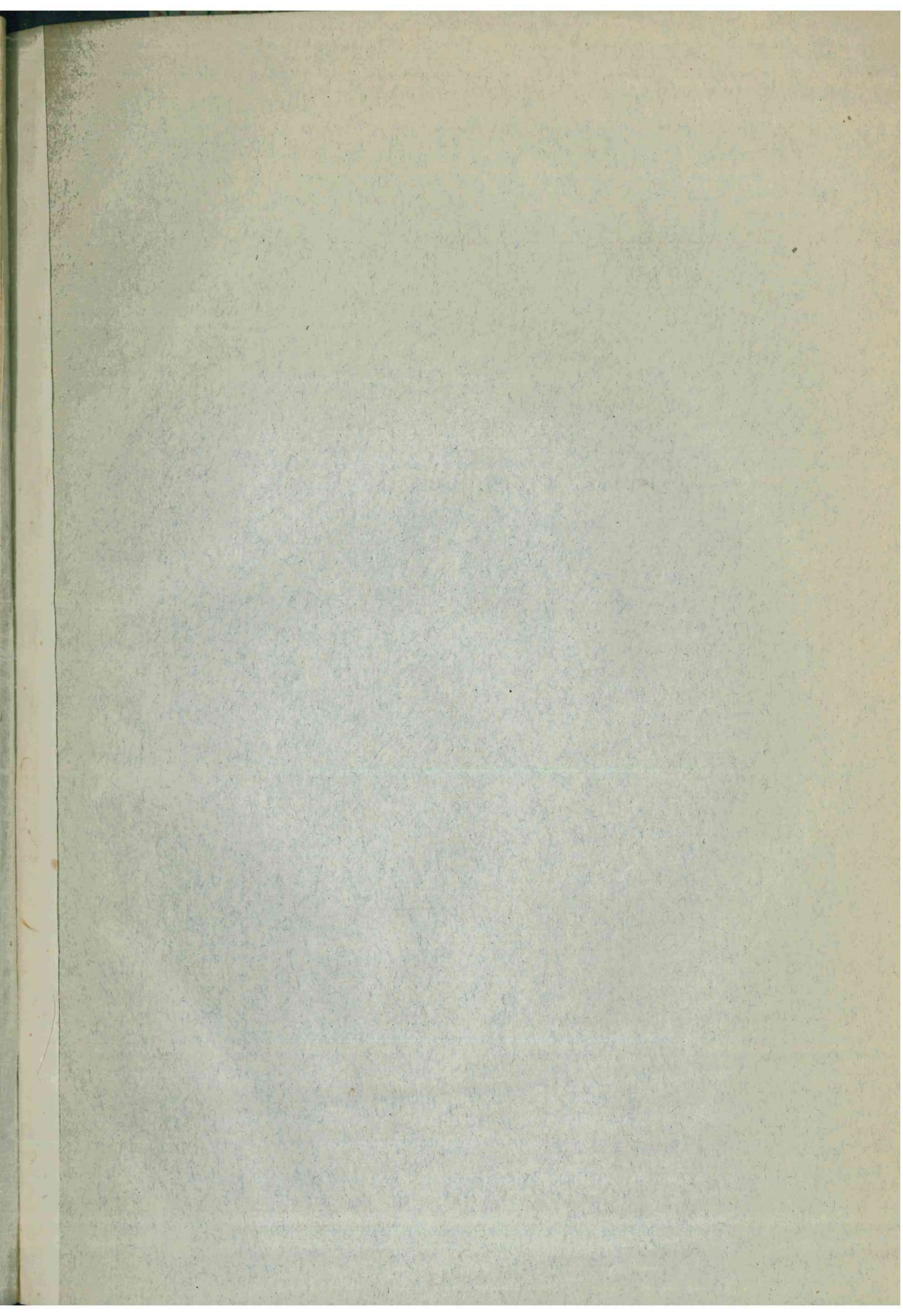
Давайте создадим новую цивилизацию!

Да будем дикарями, создающими новую культуру. Страхнем прах старой культуры, религии и науки с ног наших.

Все, что было до нас, всю пошлость и дикость вѣков, всякое угнетение, предразсудок и обман выпшвырнем вон из нас, искореним и кругом нас, как сорную траву.

Сожжем всѣ мосты возврата и застоя за нами. Будем творить жизнь вольную и текучую, как море.

Давайте вернемся к Утопии, к дѣяніям великих апостолов освобождения человечества, к первым предѣстникам социотехники, к утопистам.

Мы вправе строить себѣ новое общество, Коммуну, Анархію или Пананархію и Пантехнію, как мы вправе строить себѣ новый дом.

Давайте же строить великолѣпный дворец нашей свободы, нашего счастья.

Наше счастье в наших же руках—это исконный лозунг всѣх анархистов.

Мы выстроим,—а лживая наука уже „объяснит“, создаст оправдательную „теорію“. Раньше эта лживая наука предаст нас анаемѣ, отлучит нас от „научной церкви“, объявит нас варварами, вандалами, утопистами, но потом, когда факт будет на-лицо, постарается примазаться к нам, объявит нас „своими“ и успѣхи наши—„своими“, то есть завоеванія вѣчно-истинной Соціальной техники будут узурпированы лживой Соціальной наукой.

Давайте выстроим ее. Пусть она будет островом спасенія, островом Истины в бѣшенном морѣ научной лжи, островом любви в клочущем морѣ ненависти. Пусть она будет палатой Здравоумія в домѣ умалишенных нашей дѣйствительности.

Это утопія—скажете.

Но мы новые утописты, неутописты, техникалистическіе утописты.

Мы выше утопіи. Мы соціотехники.

Мы строители мечты, строители утопіи!

И не будет больше пренебрежительной клички „утопист“. И да замѣнится она позорным клеймом: „соціомаг“, „научник“, „теоретик“!

Утопія это план, проект соціального изобрѣтенія.

Честь и слава великим Соціальным изобрѣтателям, утопистам.

Позор и срам срамителям Утопіи, Энгельсу и Марксу, волдам научнаго соціалистическаго чернокнижія.

Давайте низвергнем кумиры соціальной науки и возвысим рог Соціальной Техники.

Давайте низвергнем в прах глупости и предразсудка чернокнижников соціализма и возстановим поруганную честь утопизма.

Давайте создадим Утопію.

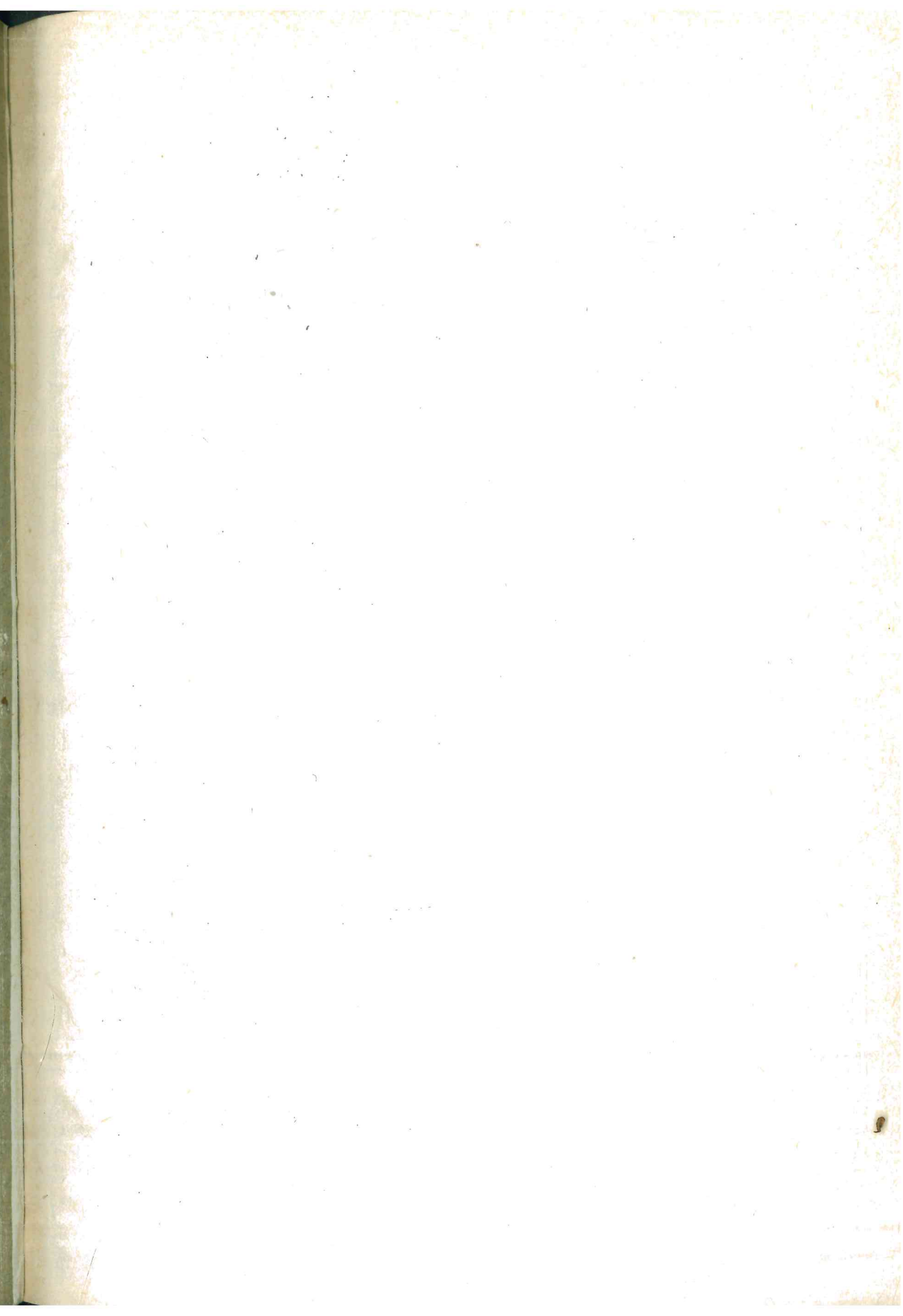
Давайте воздвигнем величественный замок Утопіи на восторг Будущаго, укор Прошлому и вызов Настоящему.

Давайте создадим Пананархію.

Но для реальнаго созданія Утопіи, Панархіи-Пантехніи требуется специализація, подготовка, усвоеніе и усовершенствованіе в Соціотехникѣ и Техникѣ-Пантехникѣ, вообще.

И потому давайте создадим Соціотехникум, Институт и школы соціотехники.

Спасем, наконец, себя, спасем Угнетенных, Человѣчество, от ужасов войн и революцій, от голода, разрухи и эпидемій. Давайте создадим Соціотехникум! Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!

На складъ Московской Федерациі Анархических групп

и издат. „Ассоціція Пананархистов“ (Союз Пяти Угнетенных).

Бр. Гордины.	ИМѢЕТСЯ:	ЦѢНА.
Бѣседы с анархист. филос.	2 р. 50 к.	
Долой анархію.	— р. 25 к.	
Рѣчи анархиста.	2 р. 50 к.	
Педагогика молодежи.	10 р. — к.	
Соціомагія соціотехника или обществознахарство и общестроительство	10 р. — к.	
Почему или как муж. попал в сторону Анарх.	— р. 60 к.	
П. Кропоткин.		
Хлѣб и воля.	2 р. 75 к.	
Рѣчи бунтовщика	2 р. 50 к.	
Анархія ея филос. ея идеал	— р. 60 к.	
Государство и его роль в исторіи.	— р. 60 к.	
Нравственныя начала анархизма	— р. 70 к.	
Довольство для всѣх.	— р. 20 к.	
Наши богатства	— р. 25 к.	
Политическія права.	— р. 10 к.	
Новый интернаціонал.	— р. 10 к.	
Открытое письмо к западной европ. раб.	— р. 15 к.	
Элизе Реклю.		
Анархія	— р. 20 к.	
Эволюц. Революція и идеал анархизма	1 р. — к.	
Моему бр. крестьянину.	— р. 20 к.	
Боровой.		
Либерализм соціал. анархизм.	— р. 50 к.	
Революціонное творч. и парламент	— р. 90 к.	
Макс Штирнер.		
Единственный и его собственность	10 р. — к.	
Атабекъян.		
Против власти.	2 р. 75 к.	
Старое и новое в анархизмѣ	— р. 40 к.	
Анархизм и право захвата	— р. 20 к.	
Соціальныя задачи дом. комитетов	— р. 50 к.	
Основы земской финансовой организаціи	— р. 30 к.	
Перелом в анархическом ученіи.	— р. 20 к.	
Вопросы теоріи практики.	— р. 25 к.	
Возможна-ли анархическая соціальная револ.	— р. 15 к.	
Малатеста.		
Крестьянскія рѣчи.	— р. 60 к.	

и др. и др.

Москва. Тверская, Настасьинскій пер., д. 1. Склад М. Ф. А. Г.

Цѣна 2 р. 50 к.